

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 11 2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

Обращение доктора юридических наук,
профессора, заслуженного юриста России
В.Е. Эминова..... 3

СТАТЬЯ НОМЕРА

Мацкевич И.М. Опыт международного
сотрудничества в борьбе с организованной
преступностью..... 4

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Дашков Г.В. Пробелы в вузовской
криминологической науке..... 9

ДИСКУССИОННАЯ АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ТРИБУНА

Антонян Е.А., Милованова М.М. К вопросу
о борьбе с современным экстремизмом
и терроризмом в условиях использования новых
технологий..... 13

Клещина Е.Н. О роли виктимологической
профилактики в предупреждении преступлений
с использованием информационных технологий... 17

Королева М.В. Самодетерминация
организованной преступности..... 21

Саламова С.Я. Дети улиц: криминологическая
характеристика уличной организованной
преступности несовершеннолетних..... 27

Габай П.Г. О понятии и криминологических
показателях неосторожной преступности
при оказании медицинской помощи..... 31

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Атагимова Э.И. Социально обусловленные
потребности реформирования отечественного
законодательства в сфере противодействия
семейно-бытовому насилию..... 35

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (АЮРО)

Шенгелия Г.А. О решениях Общего собрания
членов Ассоциации юридического образования
от 25 сентября 2020 г..... 43

Перевод аннотаций..... 45

Требования к авторам журнала «Юридическое
образование и наука» по оформлению
научных статей..... 48

An address by LL.D., Professor, Honored Lawyer
of Russia V.E. Eminov 3

ARTICLE OF THE ISSUE

Matskevich I.M. The Experience
of the International Cooperation in Organized
Crime Combating..... 4

ISSUES OF LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

Dashkov G.V. Gaps in the University
Criminological Science..... 9

ANTI-CRIME DISCUSSION TRIBUNE

Antonyan E.A., Milovanova M.M. On Combating
Modern Extremism and Terrorism in the Conditions
of the Use of New Technologies..... 13

Kleschina E.N. On the Role of Victimologic
Prevention in Suppression of Crimes Committed
with the Use of Information Technology..... 17

Koroleva M.V. Self-Determination of Organized
Crime..... 21

Salamova S.Ya. Children of the Streets:
Criminological Characteristics of Street Organized
Crime of Minors..... 27

Gabay P.G. On the Concept and Criminological
Ratios of Unintentional Crime in Medical
Assistance Rendering..... 31

LEGAL RESEARCH DISCUSSION TRIBUNE

Atagimova E.I. Socially Induced Demands
for Reformation of National Laws in Combating
Family and Domestic Violence..... 35

THE ASSOCIATION OF LAW EDUCATION

Shengelia G.A. On the Resolutions of the General
Meeting of Members of the Association of Law
Education of September 25, 2020..... 43

Translation of annotations..... 45

Requirements for the authors of the Legal
Education and Science journal for formatting
of scientific articles 48

Плата с авторов за публикацию
статей не взимается.

Центр редакционной подписки:
Тел./факс: (495) 617-18-88.

Адрес редакции / издателя:
115035, Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55,
стр. 7.
Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0.
Общий тираж 2000 экз.

Полная или частичная
перепечатка материалов
без письменного разрешения
редакции преследуется по закону.

Подписка по России:
Объединенный каталог
«Пресса России» — 91852.
ISSN 1813-1190

Подписано в печать 10.11.2020.
Номер вышел в свет 19.11.2020.

Authors shall not pay for publication
of their articles.

Editorial Subscription Centre:
Тел./факс: (495) 617-18-88.

Address publishers / editors:
Bldg. 7, 26/55,
Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Printed by National Polygraphic
Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya,
Kaluga, 248031.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Size 60x90/8. Offset printing.
Printer's sheet 6,0.
Conventional printing sheet 6,0.
Circulation 2000 copies.

Complete or partial reproduction
of materials without written permission of
the editorial office shall be prosecuted in
accordance with law.

Subscription in Russia:
Unified Catalogue. Russian Press —
91852.
ISSN 1813-1190

Signed for printing 10.11.2020.
Issue was published 19.11.2020.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 11
2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.
Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор,
Белов С.А., кандидат юридических наук, доцент,
Блажеев В.В., кандидат юридических наук, профессор,
Бублик В.А., доктор юридических наук, профессор,
Голыченко А.К., член-корреспондент РАО, доктор
юридических наук, профессор,
Перевалов В.Д., доктор юридических наук, профессор,
Калиниченко И.А., кандидат педагогических наук,
профессор,
Капустин А.А., доктор юридических наук, профессор,
Кропачев Н.М., доктор юридических наук, профессор,
Курилов В.И., доктор юридических наук, профессор,
Лаптев В.В., доктор педагогических наук, кандидат
физико-математических наук, академик РАО, профессор,
Писарева С.А., доктор педагогических наук,
член-корреспондент РАО, профессор,
Суровов С.Б., доктор социологических наук, профессор,
Тряпицына А.П., доктор педагогических наук, профессор,
Шевелева Н.А., доктор юридических наук, профессор,
Шишко И.В., доктор юридических наук, профессор

Главные редакторы журнала:

Антонян Е.А., доктор юридических наук, профессор,
Цареградская Ю.К., доктор юридических наук, доцент

Почетный научный редактор журнала:

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала:

Шенгелия Г.А., кандидат юридических наук

Рецензенты журнала:

Антонян Е.А., Баранов В.М., Барков А.В., Дикарев И.С.,
Дробышевский С.А., Ильин А.В., Кабанова И.Е.,
Лаптев В.В., Мацкевич И.М., Нарутто С.В., Петров М.П.,
Писарева С.А., Россинский С.Б., Салыгин Е.Н.,
Смирнов Д.А., Субботин В.Н., Тряпицына А.П.,
Цареградская Ю.К., Шевелева Н.А., Шенгелия Г.А.,
Шишко И.В., Шугрина Е.С., Щепельков В.Ф.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., член-корреспондент РАО, заслуженный
юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

Заместители главного редактора

ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации для публикаций
основных результатов диссертаций на соискание ученых
степеней кандидата и доктора наук.

Founder: Jurist Publishing Group

Editorial Board:

Baranov V.M., LL.D., professor,
Belov S.A., PhD (Law), associate professor,
Blazheev V.V., PhD (Law), professor,
Bublik V.A., LL.D., professor,
Golichenkov A.K., corresponding member of the RAE,
LL.D., professor,
Perevalov V.D., LL.D., professor,
Kalinichenko I.A., PhD in Pedagogy, professor,
Kapustin A.Ya., LL.D., professor,
Kropachev N.M., LL.D., professor,
Kurilov V.I., LL.D., professor,
Laptev V.V., Doctor of Pedagogy, PhD in Physico-
Mathematical Sciences, RAE Academician, professor,
Pisareva S.A., Doctor of Pedagogy, corresponding member
of the RAE, professor,
Surovov S.B., Doctor of Sociology, professor,
Sheveleva N.A., LL.D., professor,
Shishko I.V., LL.D., professor,
Tryapitsyna A.P., Doctor of Pedagogy, professor

Editors in Chief:

Antonyan E.A., LL.D., professor,
Tsaregradskaya Yu.K., LL.D., associate professor

Honorary Scientific Editor of the Journal:

Matskevich I.M., LL.D., professor

Executive Editor of the Journal:

Shengelia G.A., PhD in Law

Reviewers of the Journal:

Antonyan E.A., Baranov V.M., Barkov A.V., Dikarev I.S.,
Drobyshevsky S.A., Ilyin A.V., Kabanova I.E.,
Laptev V.V., Matskevich I.M., Narutto S.V., Petrov M.P.,
Pisareva S.A., Rossinskiy S.B., Salygin E.N., Smirnov D.A.,
Subbotin V.N., Tryapitsyna A.P., Tsaregradskaya Yu.K.,
Sheveleva N.A., Shengelia G.A., Shishko I.V.,
Shugrina E.S., Shchepelkov V.F.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., corresponding member of the RAE, Honored
Lawyer of the RF, LL.D., professor

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N.,
Platonova O.F., Truntsevskiy Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Recommended by the Higher Attestation
Commission under the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of doctoral
and PhD theses.

Уважаемые читатели журнала «Юридическое образование и наука»!

Перед вами материалы, подготовленные членами кафедры, которую я имел честь и большое удовольствие возглавлять на протяжении 25 лет.

В свое время это была первая в Советском Союзе кафедра криминологии, созданная в вузе, который не подчинялся, как сейчас принято говорить, силовому блоку – МВД, КГБ.

Я много раз говорил на разных мероприятиях, что прямое отношение к созданию кафедры имел незабвенный академик Олег Емельянович Кутафин, с которым я был в тесных и, не побоюсь этого слова, дружеских отношениях.

На кафедре под моим руководством работали многие известные отечественные ученые: И.А. Сперанский, М.И. Еникеев, А.А. Рябинин. Отдельно следует сказать об академике В.Н. Кудрявцеве, который из весьма широкого спектра возможных вариантов для продолжения своей преподавательской и научной деятельности выбрал именно нашу кафедру! И работал у нас семь лет!!!

Увы, всех их нет сейчас с нами, но остались их замечательные труды и их ученики.

Создание кафедры криминологии в так называемом гражданском вузе дало возможность впервые проводить открытые криминологические исследования по самым животрепещущим и острым темам: организованной преступности, заказным убийствам, рэкету, насилию в армии, проблемам системы профилактики преступности.

За прошедшие годы на кафедре подготовлены десятки аспирантов, выпущены уникальные учебные пособия, изданы востребованные научные труды. Один только учебник по криминологии под редакцией академика В.Н. Кудрявцева и моей был переиздан более 10 раз!

Как показывают индикаторы индексов научного цитирования, этот учебник до сих пор востребован и студентами, и магистрантами, и аспирантами.

В преддверии грядущего 90-летнего юбилея Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (ВЮЗИ – МЮИ – МГЮА), вуза, которому я отдал большую часть своей жизни, хочу пожелать кафедре успехов, научного творчества, отличных жаждущих знаний студентов и великолепных аспирантов. И чтобы никогда не возникали сомнения в необходимости организации и деятельности самостоятельных кафедр криминологии в вузах России.

Символично, что первый аспирант нашей кафедры и мой ученик Игорь Михайлович Мацкевич, который пришел в аспирантуру из военной прокуратуры и стал заслуженным деятелем науки России, сегодня возглавляет кафедру криминологии Университета имени О.Е. Кутафина.

*Первый заведующий кафедрой
криминологии Всесоюзного заочного
юридического института (МЮИ – МГЮА)
и Московского государственного юридического
университета имени прекрасного человека
и выдающегося правоведа Олега Емельяновича Кутафина,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист России
Владимир Евгеньевич Эминов*

Опыт международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью

Мацкевич Игорь Михайлович,

заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук
immackevich@msal.ru

Цель. Исследовать опыт международного сотрудничества против организованной преступности и определить ключевые позиции для совершенствования взаимодействия России с другими странами в этой области. **Методология:** базовым методом представленного научного исследования стал сравнительно-правовой метод, в рамках которого проведено диахронное и синхронное, нормативное и функциональное сравнение опыта сотрудничества в борьбе с организованной преступностью. **Выводы.** 1. Без международного сотрудничества успех в борьбе с организованной преступностью невозможен. 2. Правовой основой международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. 3. Важной составляющей международного сотрудничества в рассматриваемой области являются профильные международные организации: а) Управление ООН по борьбе с наркотиками и преступностью; б) Интерпол; в) Европол. 4. Представляют интерес предложения о международном сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, которые закреплены в соответствующей Стратегии США. 5. Для российских правоохранительных органов важное значение имеет общая координация их усилий в международном сотрудничестве. **Научная и практическая значимость.** Выводы, содержащиеся в статье, имеют практическую значимость для анализа эффективности международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью.

Ключевые слова: криминология, организованная преступность, конвенция, стратегия, правоохранительные органы, сотрудничество, ООН, Интерпол, Европол.

Стратегия международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью определяется на основе оценок криминологической ситуации ее состояния, причин в исторической ретроспективе, проблем современной детерминации, обуславливающих самовоспроизводство рассматриваемого крайне опасного социального и уголовно-правового феномена и криминологического прогноза его развития, что, в свою очередь, предполагает планирование и реализацию возможностей государственных и общественных институтов в противостоянии с этим наиболее опасным видом преступности.

Основанием международного сотрудничества являются конвенции против организованной преступности, и прежде всего Конвенция ООН от 15 ноября 2000 г. против транснациональной организованной преступности¹.

Хотя официально конвенция была подписана на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. в соответствии с резолюцией 55/25, разработана она была в Палермо в Италии. Палермо — столица Сицилии, которая, увы, в представлении большинства людей неразрывно связана с понятием «мафия», которая, в свою очередь, является нарицательным для определения организованной преступности. Разумеется, это было сделано не случайно. Выбор Палермо для подготовки Конвенции против организованной преступности был сделан для того, чтобы наглядно продемонстрировать решимость международного сообщества

*организовать*² полномасштабное сопротивление любым проявлениям организованного насилия и бандитизма, где бы это ни происходило.

К слову, в борьбе с мафией (по сравнению с другими видами организованной преступности) итальянские правоохранительные органы достигли наибольшего успеха — в апреле 2006 г. был арестован так называемый босс боссов мафии Бернардо Провенцано по кличке «Трактор Бинну» (такое прозвище ему было дано из-за его крайней жестокости). Он находился в розыске более 40 лет, и на момент ареста у итальянских полицейских была только его фотография образца 1959 г. «Трактор Бинну» был приговорен к пожизненному лишению свободы и отбывал наказание в тюрьме г. Терни в условиях особо строгой изоляции. В тюрьме Провенцано скончался в 2016 г.

В предисловии к Конвенции сказано буквально следующее: «Италия, международное сообщество продемонстрировало политическую волю дать глобальный ответ на глобальный вызов. Если преступность переступает через национальные границы, также должна поступать и правоохранительная деятельность. Если правопорядок нарушается не в одной, а во многих странах, органы, стоящие на его защите, не могут ограничиваться чисто национальными мерами. Если враги прогресса и прав человека стремятся использовать открытость и возможности глобализации в собственных целях, мы должны использовать те же самые факторы для защиты прав человека и ликвидации преступных сил, коррупции и незаконной торговли людьми».

¹ СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

² Здесь и далее курсив мой. — И.М.

В Конвенции закреплено понятие организованной преступной группы, под которой понимается не просто, а структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений для получения, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды. При этом такая группа должна быть образована не случайно.

Большое внимание в Конвенции уделяется борьбе с отмыванием криминальных доходов, полученных в результате деятельности организованной преступности.

Международное сотрудничество в Конвенции не цель, а скорее механизм ее осуществления. В отличие от многих других международных нормативных правовых актов Конвенция закрепляет конкретный механизм взаимной помощи в делах против организованной преступности: а) получение свидетельских показаний или заявлений от отдельных лиц; б) вручение судебных документов; в) проведение обыска и производство выемки или ареста; г) осмотр объектов и участков местности; д) предоставление информации, вещественных доказательств и оценок экспертов; е) предоставление подлинников или заверенных копий соответствующих документов и материалов, включая правительственные, банковские, финансовые, корпоративные или коммерческие документы; ж) выявление или отслеживание доходов от преступлений, имущества, средств совершения преступлений или других предметов для целей доказывания; з) содействие добровольной явке соответствующих лиц в органы запрашивающего государства-участника; и) оказание любого иного вида помощи, не противоречащего внутреннему законодательству запрашиваемого государства.

Основным международным межгосударственным органом, который занимается вопросами борьбы с организованной преступностью, остается Управление ООН по наркотикам и преступности (United Nations Office on Drugs and Crime), штаб-квартира которого находится в Вене. Управление ООН по борьбе с наркотиками и преступностью было создано в 1997 г. в результате слияния программы ООН по контролю за наркотиками и Центра по предотвращению международной преступности. В настоящее время в мире насчитывается 21 региональное отделение Управления. Помимо противодействия организованной преступности Управление занимается борьбой с незаконным оборотом наркотиков, оружия, с незаконной торговлей людьми и с международным терроризмом, т.е. теми видами преступности, которые не только непосредственно связаны с организованной преступностью, но и часто бывают разновидностью криминальной деятельности ее лидеров и участников.

Американский криминолог Джей Альбанезе предложил модель предупреждения организованной преступности, которая во многом легла в основу соответствующей Стратегии США. Опыт этой стратегии представляется любопытным.

Джей Альбанезе (Jay Albanese) — профессор института общественных отношений Уайлдера при Университете Содружества Виргинии (США). Он

получил степень доктора философии в школе уголовного правосудия Университета Ратгерса. Был начальником Международного центра в Национальном институте юстиции при Министерстве юстиции США. Является автором большого числа научных статей об организованной преступности, а также автором и редактором 20 книг, среди которых книги: а) Профессиональная этика в уголовном правосудии (4-е изд., Prentice Hall, 2016); б) Транснациональная преступность в XXI веке (Oxford University Press, 2011); в) Организованная преступность: от мафии до транснациональной организованной преступности (Routledge, 2015); г) Энциклопедия криминологии и уголовного правосудия (Wiley, 2014).

Джей Альбанезе занимал пост исполнительного директора Международной ассоциации по изучению организованной преступности и был президентом Академии наук уголовного правосудия. В 2013–2015 годах был председателем международного отдела Американского криминологического общества.

Стратегия Альбанезе (назовем ее так в честь главного разработчика) направлена на охрану национальных интересов и национальной безопасности страны и представляет собой комплексный политический документ, обладающий доктринальным характером для законотворческой и правоохранительной деятельности, которая (деятельность) должна быть направлена на реализацию всесторонних мероприятий по борьбе с организованной преступностью и прежде всего с транснациональной организованной преступностью. В рамках Стратегии предложена тактика, которая включает в себя набор мер и оптимальных методов ведения борьбы с организованной преступностью в конкретных условиях применительно к сферам криминальной деятельности, в которых специализируется та или иная международная криминальная организация.

В Стратегии Альбанезе закреплены пять политических целей: 1) защита американских граждан и партнеров США от организованной преступности; 2) помощь партнерам США в укреплении государственного управления, обеспечение прозрачности в борьбе с организованной преступностью и разрушении коррупционных связей организованной преступности; 3) разрушение экономической основы организованной преступности, защита стратегических рынков и финансовой системы США от проникновения в нее организованной преступности; 4) уничтожение транснациональных преступных сетей; 5) осуществление многостороннего международного сотрудничества в целях ликвидации организованной преступности.

В Стратегии Альбанезе говорится о следующих направлениях, связанных с обменом информацией, представляющей интерес для правоохранительных органов: а) сбор и анализ информации о конкретных организованных преступных группах (транснациональных преступных организациях), представляющих наибольшую угрозу безопасности США; б) обеспечение взаимодействия между сотрудниками, собирающими информацию, и аналитиками, осуществляющими оценку этой информации; в) постоянный мониторинг ситуации вокруг организованной

преступности; г) укрепление связей с разведывательными службами на международном уровне; д) содействие более тесным связям сотрудников правоохранительных органов и разведывательных служб с федеральными, государственными, местными органами управления; е) оценка угроз установления связей между лидерами организованных преступных групп и торговцами оружием массового уничтожения.

Приоритетными действиями в Стратегии Альбанезе являются действия в области защиты финансовой системы США от организованной преступности. Такая работа строится по следующим направлениям: а) разработка и принятие законодательства, позволяющего раскрывать сведения о реальных выгодах юридических лиц на момент их создания в целях повышения прозрачности их деятельности; б) реализация нового исполнительного порядка блокировки активов, запрет сделок с активами, если есть подозрение, что они связаны с лидерами организованных преступных групп и (или) с их пособниками; в) мониторинг законодательства других стран, позволяющего осуществлять сделки по отмыванию денежных средств, приобретенных или полученных прямо или косвенно, в результате совершения какого-либо преступления (п. «е» ст. 2 Конвенции); г) установление круга иностранных клептократов (от греч. κλέπταιν — воровать и κράτος — господство, власть, иными словами, буквально власть воров), т.е. чиновников, которые имеют коррумпированные отношения с лидерами организованной преступности, для замораживания и конфискации их активов, а также их физической репатриации (лат. repatriate — возвращение на родину), т.е. выдворения их из страны; д) работа по установлению международных стандартов борьбы как с отмыванием денежных средств, полученных организованной преступностью, так и с финансированием терроризма; е) создание альтернативных вариантов для частного сектора экономики, позволяющих предпринимателям выйти из-под контроля организованной преступности; ж) предание гласности сведениям о финансовой деятельности конкретных организованных преступных группировок; з) расследование преступлений против интеллектуальной собственности, совершенных участниками организованной преступности, и преследование их конкретных представителей, уличенных в этом, в судебном порядке.

Среди действий, направленных на усиление роли правоохранительных органов США, в Стратегии Альбанезе особое внимание обращено на следующие: а) выявление так называемых криминальных сетей (*не путать со связями*) организованной преступности, расследование конкретных преступлений, воспрепятствование противодействию уголовному преследованию со стороны участников организованной преступности; б) использование специальной программы поощрений для сбора информации, ведущей к аресту и осуждению участников организованной преступности; в) арест ключевых фигур транснациональной организованной преступности, которые находят убежище в США; г) отказ в выдаче виз (лат. visa — буквально означает «просмотренные документы») и во въезде иностранцам, причастным к организованной преступности, а также коррумпированным иностран-

ным должностным лицам, д) расширение сотрудничества с международными полицейскими организациями, такими как Интерпол и Европол; е) пресечение незаконного оборота наркотиков и оружия по воздуху и морю; ж) внедрение общегосударственного правительственного плана борьбы с торговлей людьми; з) закрытие участникам организованной преступности доступа в места их возможного укрытия.

В Стратегии Альбанезе борьба против незаконного оборота наркотиков в США непосредственно направлена на ликвидацию самых современных технических и коммуникационных разработок, которые используются организованной преступностью. Такая борьба должна развиваться по следующим направлениям: а) работа на международном уровне по сокращению глобального предложения наркотиков и спроса на них; б) разрыв связей международного незаконного оборота наркотиков с торговлей оружием; г) использование Закона США о наркобаронах (Foreign Narcotics Kingpin Designation Act 1999 г.), в соответствии с которым Президент США имеет право запретить торговлю и операции между американскими юридическими лицами и частными лицами, в случае когда есть обоснованные предположения, что иностранное физическое лицо играет значительную роль в международной торговле наркотиками; д) осуществление комплексного подхода к ликвидации транснациональных преступных организаций, имеющих связи с террористическими организациями; е) координация действий с зарубежными партнерами для предотвращения производства синтетических наркотиков и прекурсоров и торговли ими.

Международное сотрудничество правоохранительных органов США в борьбе с транснациональными преступными организациями в соответствии со Стратегией Альбанезе предусматривает реализацию следующих мер: а) привлечение международного внимания к проблеме транснациональных преступных организаций и построение многостороннего сотрудничества для борьбы с ними; б) создание партнерских отношений со странами, способными использовать на общее благо деятельность собственных правоохранительных органов, а также со структурами ООН для того, чтобы инициировать международные полицейские операции против транснациональных преступных организаций; в) расширение международного сотрудничества для повышения потенциала других стран по поддержке иммигрантов, улучшения работы таможенной, транспортной служб, согласования стандартов их тщательного обследования (так называемый скрининг — от англ. screening — экранирование, отбор) и идентификации преступлений, включая сотрудничество в борьбе с коррупцией и торговлей контрафактной продукцией; г) предоставление финансовой помощи со стороны США для увеличения возможностей других государств по проведению полицейских операций, развитию системы правосудия, обеспечивающего верховенство права во всем мире; д) разработка дипломатической стратегии, направленной на уменьшение спроса на незаконные товары и услуги, которые способствует развитию транснациональных преступных организаций; е) повышение результативности международных научных исследова-

ний, сбора данных и их анализа в целях оценки масштабов угроз и разработки наиболее эффективных средств борьбы с транснациональными преступными организациями; з) учреждение американо-британской контактной группы по делам организованной преступности в целях укрепления двустороннего и активизации многостороннего сотрудничества против транснациональных преступных организаций; и) завершение работы над созданием американо-мексиканского плана сотрудничества правоохранительных органов; к) расширение сотрудничества с ООН в целях содействия реализации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности³.

Очевидно, что Стратегия борьбы США с транснациональной организованной преступностью представляет собой нормативный правовой документ, который имеет ярко выраженную экстерриториальную направленность своего действия. Стратегия Альбанезе не столько предлагает сотрудничество, сколько определяет правила такого сотрудничества.

Тем не менее некоторые направления Стратегии Альбанезе представляются важными, и было бы не очень верно упускать возможности международного сотрудничества в этой области.

Известными межгосударственными структурами, которые осуществляют международное сотрудничество правоохранительных органов, являются Интерпол и Европол.

Интерпол (Organisation Internationale de Police Criminelle, International Criminal Police Organization – Interpol) – это Международная организация уголовной полиции, основной задачей которой является объединение усилий правоохранительных органов для борьбы с преступностью. Штаб-квартира организации находится в Лионе во Франции, поэтому официальное название дается на французском и английском языках.

Интерпол объединяет 194 государства и является второй в мире международной неправительственной организацией по числу входящих в нее стран после ООН. Главная задача Интерпола – координация борьбы с преступностью полицейских разных стран – предполагает решение конкретных задач: а) по международному розыску преступников; б) борьбе с торговлей людьми и детской порнографией; в) борьбе с конкретными организованными преступными группами; г) борьбе с незаконным оборотом наркотиков; д) борьбе с экономической преступностью; е) борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий; ж) борьбе с финансовыми преступлениями, включая фальшивомонетничество и подделку ценных бумаг; з) борьбе с терроризмом.

СССР принципиально не входил в Интерпол, поддерживая, как правило, двусторонние межгосударственные связи в области борьбы с преступностью. Ситуация изменилась незадолго до распада единой страны, и 27 сентября 1990 г. СССР присоединился к организации. В дальнейшем российское бюро

Интерпола стало правопреемником Национального центрального бюро Интерпола МВД СССР. 30 июля 1996 г. был издан Указ Президента РФ «Об участии России в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерполе»⁴. Приказом МВД РФ от 31 марта 2012 г. № 305 было утверждено Положение о Национальном бюро Интерпола Министерства внутренних дел РФ⁵.

Европейская полицейская организация, Европол (Europol), – это полицейская служба Европейского Союза со штаб-квартирой в Гааге в Нидерландах. Основными задачами являются координация работы правоохранительных органов государств, входящих в Союз, в борьбе с международной организованной преступностью и информационный обмен между национальными полицейскими службами.

Создание Европола было предусмотрено Маастрихтским договором от 7 февраля 1992 г. (Договор о Европейском Союзе). 3 января 1994 г. Европол начал свою работу, ограничив деятельность борьбой с незаконным оборотом наркотиков. 26 июля 1995 г. была принята Конвенция о Европоле, и после того как в 1998 г. ее подписали все участники Европейского Союза, 1 июля 1999 г. началась полноценная работа организации. 1 января 2010 г. Европол стал Агентством Европейского Союза. В Европоле работают около 630 сотрудников, откомандированных государствами, которые входят в Европейский Союз.

Согласно Положению о Национальном бюро Интерпола МВД РФ, бюро выполняет функции головного оперативного подразделения МВД РФ по взаимодействию с Интерполом и Европолом. Задача – обмен информацией между правоохранительными органами России и Европолом. Стратегическое соглашение о сотрудничестве между Россией и Европолом было подписано в Риме 6 ноября 2003 г.⁶ Соглашение предусматривает помощь в борьбе с преступлениями, связанными: а) с уголовными деяниями против жизни и здоровья человека; б) терроризмом и его финансированием; в) незаконным оборотом наркотиков; г) незаконным оборотом культурных ценностей; д) незаконным оборотом оружия; е) мошенничеством и хищениями, включая незаконный оборот автотранспортных средств; г) легализацией (отмыванием) доходов; ж) незаконной миграцией, торговлей людьми и проституцией.

Джей Альбанезе говорит, что в научном мире все еще мало достоверной информации об организованной преступности. С одной стороны, криминологи и практические работники оперируют недостаточными данными о природе организованной преступности, а с другой стороны, используют слабо проработанные оценки эффективности воздействия правоохранительных органов на транснациональные преступные организации и организованную преступность в целом.

Организованная преступность была определена в условиях относительного отсутствия знания об ее истинных размерах. До сих пор не все страны приложили все необходимые усилия, чтобы систематически

³ Хижняк Д.С. Предупреждение транснациональной преступности и борьба с ней, как стратегическая задача государства: опыт США // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 2. С. 385–393.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 32. Ст. 3895.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Бюллетень международных договоров. 2004. № 3. С. 58–62.

измерять уровень организованной преступности и объективно определять влияние законов и политики, направленных на борьбу с ней. Таким образом, усилия по так называемому контролю за организованной преступностью обычно происходят в вакууме, так что нет более или менее точного ответа, основанного на объективных данных криминологов во всем мире, на следующие вопросы: а) влияет ли уголовная политика того или иного государства на организованную преступность?; б) снижается или повышается уровень организованной преступности?; в) какова точная стоимость борьбы с организованной преступностью и как эта борьба влияет на граждан и экономику?

В действительности уголовная политика борьбы с организованной преступностью, по мнению Д. Альбанезе, часто состоит из набора «стандартных» способов и инструментов, а ее результаты до сих пор не оцениваются надлежащим образом. Поэтому дальнейшее использование стандартных методов борьбы с организованной преступностью основано *na vere*, а не на знании того, насколько они действительно эффективны. Необходимо, наконец, перейти к эмпирическому подходу на следующих двух уровнях: а) борьба с организованной преступностью и б) оценка результативности уголовной политики и профилактики. Что касается уголовной политики борьбы с организованной преступностью, то следует перейти от ее имитации к эмпирической оценке ее результатов, а затем к реализации стратегии, основанной на объективном изучении прошлого опыта и научном подходе для построения стратегии на будущее. Попытки подобных подходов в борьбе с организованной преступностью с разной эффективностью предпринимались в последние годы, например, в Швеции, Канаде, Великобритании и Европейском Союзе.

В то же время в США были потрачены миллионы долларов на мониторинг 20 коррумпированных профсоюзов, руководителей которых подозревали в связях с организованной преступностью. Исследования проводились в течение 20 лет. В результате были проведены судебные процессы против коррумпированных членов профсоюзов, но оценка результативности этой работы осуществлена не была. Обзор существующих

программ борьбы с организованной преступностью в США показал, что, несмотря на все предпринимаемые меры, направленные на ликвидацию организованной преступности и против отмывания доходов от преступлений, ни в 1990-е годы, ни сейчас не было проведено ни одного серьезного исследования, которое могло бы объективно оценить эффективность потраченных усилий и ответить на вопросы, насколько были полезны принятые законы⁷.

В соответствии с Конвенцией против транснациональной организованной преступности сотрудничество между правоохранительными органами разных стран должно быть направлено: а) на укрепление и (или) установление каналов связи между компетентными органами; б) проведение расследований в связи с преступлениями, охватываемыми настоящей Конвенцией с целью выявления: i) местонахождения и деятельности лиц, подозреваемых в участии в совершении таких преступлений, или местонахождения других причастных лиц; ii) перемещения доходов от преступлений или имущества, полученного в результате совершения таких преступлений; iii) перемещения имущества, оборудования или других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении таких преступлений; с) предоставление необходимых предметов или необходимого количества веществ для целей анализа или расследования; d) содействие эффективной координации между компетентными органами и поощрение обмена сотрудниками и экспертами; e) обмен информацией о конкретных средствах и методах, применяемых организованными преступными группами, включая маршруты и средства транспорта, а также использование поддельных удостоверений личности, измененных или поддельных документов или других средств сокрытия их деятельности; f) обмен информацией и координацию административных и других мер, принимаемых с целью заблаговременного выявления преступлений.

⁷ Albanese J. Controlling Organized Crime: Looking for Evidence-Based Approaches // Victims & Offenders. 2009. № 4. P. 412–419.

Литература

1. Ланд П. Организованная преступность: тайная история самого прибыльного бизнеса в мире / П. Ланд. Москва : АСТ, 2005. 192 с.
2. Хижняк Д.С. Предупреждение транснациональной преступности и борьба с ней, как стратегическая задача государства: опыт США / Д.С. Хижняк // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 2. С. 385–393.
3. Albanese J.S. Controlling Organized Crime: Looking for Evidence-Based Approaches / J.S. Albanese // Victims & Offenders. 2009. Vol. 4. Iss. 4. P. 412–419.

References

1. Lunde P. Organizovannaya prestupnost: taynaya istoriya samogo pribylnogo biznesa v mire [Organized Crime: An Inside Guide to the World's Most Successful Industry] / P. Lunde. Moskva : AST – Moscow : AST, 2005. 192 s.
2. Khizhnyak D.S. Preduprezhdenie transnatsionalnoy prestupnosti i borba s neyu, kak strategicheskaya zadacha gosudarstva: opyt SShA [The Prevention of and Combating Transnational Crime as a Strategic Task of the State: The U.S. Experience] / D.S. Khizhnyak // Kriminologicheskii zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. № 2. S. 385–393.
3. Albanese J.S. Controlling Organized Crime: Looking for Evidence-Based Approaches / J.S. Albanese // Victims & Offenders. 2009. Vol. 4. Iss. 4. S. 412–419.

Пробелы в вузовской криминологической науке

Дашков Геннадий Владимирович,

профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
profdashkov@gmail.com

Цель. Предложить читателю наиболее актуальные для криминологической науки и практики направления научных исследований и разработок в весьма специфических условиях высшего учебного заведения, ставшего по ряду причин объективным и субъективным характером одним из важнейших институтов, где криминологическая наука может развиваться с достаточной эффективностью. **Методология:** диалектика, индукция, дедукция, анализ, синтез, сравнительно-правовой и формально-логический методы. **Выводы.** 1. Нынешний институциональный механизм проведения в Российской Федерации криминологических исследований и разработок (индивидуальные исследования, ведомственная криминологическая наука правоохранительных органов, криминология в вузах) довольно интенсивно, но далеко не всегда, при достаточных к тому оснований, меняется, к тому же без надлежащего методологического и иного необходимого обеспечения. 2. Подавляющая часть криминологов в настоящее время сочетает учебную и научную работу, что без должных корректировок организационно-управленческого характера снижает КПД и научной, и педагогической их деятельности. 3. При всех недостатках вузовской криминологической науки здесь есть и ряд своих неоспоримых достоинств (преимущественное планирование снизу, большая оперативность, максимальная заинтересованность автора во внедрении в практику полученных результатов).

Научно-практическая значимость. Вузовская криминологическая наука при надлежащей ее организации и самоорганизации наиболее эффективна в сравнении с другими видами научных исследований. Эта эффективность носит и экономический, и политический, и организационный характер в части как социального заказа, так и оценки полученных результатов.

Ключевые слова: вузовская криминологическая наука, субъекты научных исследований, управление вузовской криминологической наукой, координация совместных исследований, возможные направления, тематика, социальный заказ, его субъекты и исполнители.

Так уж сложилась ситуация в российской криминологической науке, что после относительно недавнего (всего несколько лет назад) выхода криминологии из очередного застоя¹, когда эта наука даже преподавалась только факультативно, ожидаемого резкого рывка вперед, во всяком случае в организационном плане, не произошло. Более того, фактически единственным научным «очагом сопротивления» преступности в Российской Федерации стала вузовская криминология. На первый взгляд, здесь ничего негативного и сверхъестественного нет. Более того, в большинстве стран с высоким уровнем развития общественных и естественных наук, большая часть исследований и разработок проводится именно в вузах. Так было и у нас в досоветский период. Однако впоследствии, начиная с 20-х годов прошлого столетия, криминологическая наука развивалась под эгидой специализированных правоохранительных министерств и ведомств. Вузовской криминологической науке отводилась отнюдь не решающая роль, хотя в отдельных высших учебных заведениях, например в Саратовском юридическом институте имени Д.Н. Курского, научные исследования и разработки в области уголовного и уголовно-исполнительного права (вопросы криминологии

рассматривались в рамках этих дисциплин) велись преподавателями соответствующих кафедр. По мере создания и развития ряда специализированных криминологических центров в системе Академии наук, МВД, Прокуратуры институциональный механизм научных исследований в области криминологии заметно изменился и не всегда в пользу вузовской науки. Нынешняя же волна перемен в этой части склоняет чашу весов к высшим учебным заведениям, и тут, конечно, весьма важна содержательная сторона вопроса, а именно то, какие приоритеты будут определены вузовскими криминологами.

В нашем представлении в качестве таковых, без особого риска ошибиться, можно назвать некоторые из них. Это прежде всего проблема делинквентного поведения молодежи. Трудно утверждать, что эти вопросы игнорировались ранее в российской криминологии. Здесь, пожалуй, был даже определенный перебор. Но жизнь не стоит на месте, названный перебор растаял, а криминологическая наука сейчас попросту даже не успевает проследить происходящие изменения, касающиеся, к примеру, места молодежи в системе криминальной репродукции. В такой ситуации лучшей базой для проведения научных исследований и разработок, чем высшие учебные заведения, трудно даже себе подыскать. И это обстоятельство уже сейчас в определенной мере учитывается в российской криминологической науке. Например, несмотря на отнюдь не безупречное

¹ Об основных этапах развития российской криминологической науки см.: Дашков Г.В. История российской криминологической науки // История юридической науки в России: монография. М.: Проспект, 2020. С. 443–474.

нынешнее состояние криминологической науки в целом, научные разработки в области борьбы с молодежной преступностью выглядят все же относительно благополучно, и именно благодаря вузовской науке. Одним из частных подтверждений тому являются 80 докладов и выступлений на круглом столе «Актуальные проблемы предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних», проведенном кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), академией Федеральной службы исполнения наказаний России, Союзом криминалистов и криминологов, Национальной ассоциацией административистов (Москва, октябрь 2019). Столь же положительные для дальнейшего развития вузовской криминологии результаты могут оказать и основные положения докладов и выступлений, сделанных на Всероссийской научно-практической конференции «Криминологические проблемы поведения несовершеннолетних и молодежи, пути их решения» (Университет прокуратуры Российской Федерации, Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», январь 2020). Примером тому являются, в частности, доклады: Чапурко Т.М. «Современные проблемы профилактики и предупреждения преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних» (Кубанский государственный аграрный университет); Меркулова В.В. «Противодействие деятельности деструктивных движений, пропагандирующих криминальную идеологию, проблемы и пути решения» (Университет прокуратуры Российской Федерации); Колотушкина С.М. «Криминальная субкультура молодежи «арестантский уклад един: проблемы и пути решения» (НИИ Федеральной службы исполнения наказания); Тарасовой Ю.В. «Экономическая криминогенность образования в России: детсады, школы, вузы» (Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации).

Повышение эффективности вузовской криминологической науки именно в названном направлении мы связываем и с решением вузовскими криминологами ряда задач внешнего и внутреннего характера. Рассмотрим эти задачи. О задачах внешнего характера. Ни для кого не секрет, что в последние годы в большинстве стран мирового сообщества, вне зависимости от имеющихся между ними политических, экономических, правовых и иных различий, существенно, а главное, устойчиво, из года в год, снижается уровень преступности несовершеннолетних и молодежи. Российская Федерация тут исключения не составляет. Как объяснить названный феномен? Никаких научных исследований в этом направлении нет, а они нужны не только для составления разного рода графиков и таблиц. Здесь возможен выход на принципиально отличный по многим показателям уровень решения общетеоретических проблем современной криминологии со всеми выте-

кающими отсюда положительными последствиями. Кроме того, современные технические и иные информационные возможности позволяют оперативно, без особых препятствий, получать довольно обширные сведения о состоянии, структуре, динамике преступлений молодежи в разных странах, причинах этих преступлений и мерах предупреждения. Но тут есть и своя, неизвестная ранее проблема, суть которой состоит в том, что эта информация в основе своей исходит не из правовых и других научных источников, а, как правило, из материалов типа журналистских расследований и т.п., что далеко не всегда отвечает нормативам научного анализа той или иной проблемы. Каков выход из этой довольно типичной ситуации, тем более постоянно осложняющейся из-за разного рода санкций и иных ограничений, активно используемых нашими зарубежными партнерами? Полагаем, однако, что не все тут так уж и безнадежно. В частности, далеко не в полной мере, к примеру, используется механизм таких форм международного сотрудничества в области борьбы с преступностью, как международные научные конгрессы, коллоквиумы, конференции, круглые столы и др. Не исчерпаны и возможности диссертационных исследований, проводимых иностранными соискателями ученых степеней и званий. Откровенно говоря, тут, как правило, нулевые результаты. Существенно также ослаблено (по зависящим от нас причинам) российское участие в деятельности отдельных международных организаций криминологической направленности и в первую очередь в Международной ассоциации уголовного права (МАУП) и в Международном криминологическом обществе (МКО), имеющих устоявшийся, проверенный десятилетиями опыт современной организации и проведения мероприятий по борьбе с преступностью.

Еще одно важное обстоятельство внешнего свойства в нынешних российских криминологических работах, посвященных проблемам борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи. Зарубежный аспект здесь, конечно, бесспорно присутствует. Сдвиги вперед в сравнении с периодами, когда этот вопрос поднимался не иначе как критика зарубежной теории и практики расследования и предупреждения преступлений, вполне очевидны. Тем не менее здесь отнюдь не стало правилом глубокое проникновение в суть проблемы. Например, в наших российских исследованиях зарубежной преступности практически фактически игнорируется проблема территориальных различий преступности, что особенно важно при анализе преступности в таких странах, как Китай, Германия, Франция, Великобритания, США. Поясним значимость этой проблемы применительно к молодежной преступности в США. Как известно, в этой стране с весьма высоким уровнем преступности последняя устойчиво снижается как минимум последние двадцать лет. Одновременно постоянно снижается и уровень преступности несовершеннолетних и молодежи. Причем эти

благоприятные для общества процессы происходят по-разному и по разным причинам в разных штатах. Как минимум на протяжении 30 лет лидерство здесь принадлежит штату Вашингтон. Склонные к перемене места жительства граждане США предпочитают переехать именно сюда и не только потому, что здесь находятся всемирно известные Боинг и Майкрософт, хороший климат. Главным криминологическим преимуществом штата Вашингтон видится в сверхнизком уровне делинквентного поведения подростков и молодежи, что, разумеется, не пришло само по себе. Здесь хорошо отлажена система общих и специальных мер предупреждения преступлений несовершеннолетних и молодежи. Основой общих мер, по нашему мнению, являются упомянутые нами мировые лидеры супертехнологий Боинг и Майкрософт, определяющие всем своим существованием нынешнее и будущее тысяч граждан, формирующие их ценностные ориентации. Сутью специальных мер формирования в молодежной среде уважительного отношения к праву и закону, в нашем представлении, сформированном в процессе личного анализа практики борьбы с преступностью, в штате Вашингтон является четко организованная система участия граждан в ранней профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. На уровне штата не на бумаге, а на деле работает 27 общественных организаций, координирующих свою деятельность с полицией, с семьями правонарушителей, местными органами власти и управления.

Вне поля зрения российских исследователей зарубежной преступности несовершеннолетних и молодежи нередко остаются атипичные для нас явления и процессы, связанные с этой преступностью. Например, в российской криминологической литературе нередко обращается внимание на то обстоятельство, что криминальная молодежная среда формируется взрослыми лицами, получившими соответствующую криминальную подготовку в местах лишения свободы. Типичная в основе своей позиция. Вместе с тем жизнь не стоит на месте. Например, в Бразилии в организованных молодежных преступных формированиях роль взрослых ничтожно мала или отсутствует полностью. Есть немало оснований для выдвижения подобных гипотез и в России. Но одних только гипотез мало. Нужны сравнительные исследования, а их нет.

О проблемах в научных исследованиях внутреннего характера. Здесь важно подчеркнуть, что анализ тематики разного рода российских криминологических публикаций последних лет показывает, что в числе актуальных проблем предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи преобладают вопросы: специфики состояния, структуры динамики этой группы преступлений; особенностей их мотивации; совершенствования уголовно-правовых средств противодействия; пенитенциарии; медицинской профилактики; предупреждения антиобщественного образа жизни; организованной преступности; причин преступного на-

силия женщин в отношении несовершеннолетних; обеспечения надлежащего нравственно-правового воспитания; противодействия молодежному экстремизму; виктимности; трудовой адаптации; субъектов предупреждения, их координации; миграционных процессов, влияющих на преступность; семьи, как криминологобразующего фактора; рецидива.

Названные проблемы, на наш взгляд, в основе своей охватывают большую часть такого явления, как преступность несовершеннолетних и молодежи.

Эти направления научных исследований при должной организации внедрения их результатов в правотворческую и правоприменительную практику будут способствовать поддержанию уровня преступности несовершеннолетних и молодежи на социально приемлемом уровне. Вместе с тем политические и экономические преобразования последних лет ставят перед криминологической наукой неизвестные ранее задачи. Например, хорошо известно, что преступность несовершеннолетних и молодежи уже давно имеет тенденции к омоложению. Эти процессы, в том случае когда они касаются общеуголовной преступности, в основном прослеживаются криминологической наукой. Одновременно разрабатываются и соответствующие предупредительные меры. Вместе с тем в настоящее время процессы омоложения преступности затронули и такие ее виды, которые связаны с управленческой и хозяйственной деятельностью. Уже не редкость, к примеру, когда говорят об актуализации проблемы коррупции в молодежной среде. Но в научном плане практически пробельными являются вопросы о количественных и качественных характеристиках этих преступлений, их причинах и условиях. Соответственно, невозможно предложить социальному заказчику меры предупреждения преступлений коррупционной направленности особенно в тех случаях, когда речь идет не о бытовой коррупции. Проблема эта сверхмногоплановая, но начать ее решение надо не с личностных характеристик преступника, тут все относительно просто, а с анализа факторов экономического и организационно-управленческого свойства.

Касаясь вопросов криминологической разработки факторов экономического свойства, отметим, что эти вопросы к числу обделенных вниманием криминологов вряд ли относятся², но тут есть своя пробельная сторона, что выражается в отсутствии исследований и разработок особенно по таким животрепещущим вопросам, как борьба с халатностью в сфере хозяйственной и управленческой деятельности. Но просто традиционным исследованием халатности как уголовно-правовой категории, тут не обойтись. Проблема эта выглядит гораздо масштабнее, и здесь вполне уместно дать криминологическую оценку такого извечно актуального явления, как разгильдяйство, которое, совершенно справед-

² См.: Мацкевич И.М. Причины экономической преступности. М., 2017.

ливо, даже на самых высших уровнях государственной власти и управления рассматривается вкуче с хищениями, должностными и хозяйственными преступлениями. Например, в выступлении Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ 24 декабря 2019 г. подчеркивалось, что наши дальнейшие успехи зависят от мозгов и противодействия воровству и разгильдяйству. Исходя из подобной постановки вопроса, следует рассматривать проблему борьбы с воровством и разгильдяйством как одно из важных направлений вузовской криминологической науки. В этой связи следует отметить, что здесь, как ни странно, необходимо начать с простых, вроде бы известных вещей, а именно с определения масштабов названного явления. Суть этой проблемы состоит, в частности, в том, что даже в контрольно-надзорных инстанциях на федеральном уровне здесь нет надлежащего единства взглядов. Например, Председатель Счетной палаты РФ Алексей Леонидович Кудрин в интервью РИА Новости по случаю 25-летия этого ведущего контрольного ведомства на вопрос: «А сколько реально воруют из бюджета?» — ответил: «По уголовным делам — это от силы до 2–3 миллиардов рублей в год, как правило, даже меньше». Тут же А.Л. Кудрин оценил ущерб от коррупции, которая, как хорошо известно, немыслима без

бюджетных источников. «Триллионами рублей». Об ущербе от халатности (разгильдяйстве) даже в специальных источниках говорится, в лучшем случае, в общих чертах, а любая названная по этому поводу цифра будет далека от истины хотя бы потому, что за ней не стоят ни экономические, ни социологические, ни криминологические, ни иные исследования. Их попросту никто и нигде даже не планирует. В криминологическом анализе нуждаются также количественные характеристики разгильдяйства в хозяйственно-управленческой деятельности, такие, например, как объекты преступных посягательств, их география, личность преступника. В настоящее время информация подобного рода имеется, как правило, только по так называемым некоторым резонансным делам, ставшим хорошо известными благодаря средствам массовой информации (дома-долгострой, спортивные сооружения, военно-космические объекты и т.п.). Но если объекты, где совершаются разного рода злоупотребления, не попали в разряд резонансных? Значит ли это, что они не должны быть в структуре криминогенно опасных и не попасть в круг исследуемых? Конечно нет. Бесспорно, здесь нужен межведомственный статистический учет таких объектов. Соответственно, необходима и методика такого учета на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Литература

1. Дашков Г.В. История российской криминологической науки / Г.В. Дашков // История юридической науки в России : монография / под редакцией В.В. Блажеева. Москва : Проспект, 2020. С. 443–474.
2. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности : учебное пособие / И.М. Мацкевич. Москва : Проспект, 2017. 272 с.

References

1. Dashkov G.V. Istoriya rossiyskoy krimonologicheskoy nauki [History of the Russian Criminological Science] / G.V. Dashkov // Istoriya yuridicheskoy nauki v Rossii : monografiya / pod redaksiyey V.V. Blazheeva. Moskva : Prospekt — History of the Legal Science in Russia : monograph / edited by V.V. Blazheev. Moscow : Prospect, 2020. S. 443–474.
2. Matskevich I.M. Prichiny` ekonomicheskoy prestupnosti : uchebnoe posobie [Reasons for Economic Crime : textbook] / I.M. Matskevich. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2017. 272 s.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram!

**Анонсы мероприятий, фотоотчёты
и свежие новости нашего издательства.**

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

**Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo/>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>**

К вопросу о борьбе с современным экстремизмом и терроризмом в условиях использования новых технологий*

Антонян Елена Александровна,

профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
antonyaa@yandex.ru

Милованова Марина Михайловна,

доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
milovanova_marina@mail.ru

Цель. Исследование современного состояния борьбы с кибертерроризмом и киберэкстремизмом в условиях развития новых технологий, когда в рассматриваемой сфере активно используются современные достижения научно-технического прогресса с целью выработки новых подходов в решении поставленного вопроса. **Методология:** статья построена на разумном сочетании общенаучного диалектического метода с правовым позитивизмом. Общественные связи и явления, и их взаимодействие с научными категориями рассмотрены в диалектическом единстве. Рассмотрение отдельного документа базируется на сравнительно-правовом позитивизме. В работе применяются научные методы анализа и синтеза, индукция и дедукция. **Выводы.** 1. Сегодня не существует комплексного подхода к организации борьбы с кибертерроризмом и киберэкстремизмом. 2. В настоящее время терроризм и экстремизм активно используют в своей деятельности современные возможности электронных и информационно-телекоммуникационных систем и технологий. 3. Создавшаяся глобальная геополитическая обстановка в мире не позволяет создать эффективную международную систему борьбы и противодействия терроризму и экстремизму, особенно в сфере использования современных электронных и телекоммуникационных технологий. **Научная и практическая значимость.** В статье представлены некоторые авторские позиции на то, как при отсутствии эффективных правовых средств организации взаимодействия правоохранительных структур государств возможно консолидировать свои усилия на минимизации распространения киберпреступности в мире и, в частности, таких наиболее опасных его проявлений, как кибертерроризм и киберэкстремизм.

Ключевые слова: кибертерроризм, киберэкстремизм, государства, новые технологии, противодействие, борьба, киберпреступность.

Сегодня ситуация в области борьбы с терроризмом и экстремизмом складывается весьма неоднозначно. Во всем мире признается его колоссальная угроза обществу и человечеству в целом. Однако до настоящего времени не существует комплексного подхода к организации борьбы с рассматриваемыми явлениями. Кроме того, отдельными государствами деятельность организаций террористического и экстремистского характера используется для достижения своих интересов в отношении стран, не желающих выполнять предъявляемые к ним требования, при этом не учитывая всей серьезности возможных последствий.

Следует отметить, что с развитием новых технологий, в рассматриваемой сфере активно используются современные достижения научно-технического прогресса. Неслучайно в настоящее время терроризм и экстремизм прирос приставкой «кибер», поскольку активно использует в своей деятельности современные возможности электронных и информационно-телекоммуникационных систем и технологий. Такая структура и система функционирования противоправной деятельности позволяет в значительной степени, с наименьшими затратами оказывать глобальное воз-

действие не только на отдельные организации и учреждения, но и на политическую систему целых стран и государств, демонстрируя свои возможности, не прибегая к использованию и применению для этого сложных в изготовлении и транспортировке, в целях реализации запланированных террористических и экстремистских действий, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

В свою очередь, по определенным причинам (создавшаяся глобальная геополитическая обстановка в мире), не позволяет создать эффективную международную систему борьбы и противодействия терроризму и экстремизму, особенно в сфере использования современных электронных и телекоммуникационных технологий. Такая ситуация складывается, во-первых, ввиду имеющихся значительных противоречий между странами, предлагающими каждая свой путь решения проблемы в области использования и применения технических средств, удовлетворяющих только их интересы.

Во-вторых, активное использование киберпространства террористами и экстремистами обусловлено отсутствием единого унифицированного подхода

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16175 «Блокчейн технологии противодействия рискам кибертерроризма и киберэкстремизма: криминологическое исследование».

к правовому регулированию данной проблемы. Каждое государство на уровне своих правовых систем пытается осуществлять противодействие распространению кибертерроризма и киберэкстремизма только на своей территории, стараясь не допустить возможность внешнего воздействия на свои электронные и телекоммуникационные системы.

Однако надо полагать, что такая позиция приводит лишь к решению отдельных локальных проблем путем привлечения к ответственности отдельных исполнителей, что в конечном итоге не оказывает ощутимого воздействия на террористические и экстремистские структуры в целом.

В-третьих, усугубляет транснациональный характер террористической и экстремистской деятельности не только в рамках ее распространения, но и использования в своих целях киберпространства, которое способствует увеличению скорости обмена данными между преступными структурами, а также позволяет консолидировать деятельность их отдельных подразделений для реализации преступного замысла, находящихся на значительном удалении друг от друга в мировом масштабе (разные страны и континенты). Возможность быстро договориться между собой значительно повышает уровень современного терроризма и экстремизма.

Отсутствие эффективных правовых средств организации взаимодействия правоохранительных структур государств, возможность консолидировать свои усилия, способствует распространению киберпреступности в мире и, в частности, таких наиболее опасных его проявлений, как кибертерроризм и киберэкстремизм.

Российская Федерация, одно из первых и фактически единственное государство, которое продолжает предпринимать усилия, направленные на создание современного эффективного, отвечающего сегодняшним вызовам документа, позволяющего создать единую систему противодействия киберпреступности на международном уровне. В декабре 2019 г. Россией в Генеральную Ассамблею ООН была внесена резолюция о разработке новой Конвенции по борьбе с киберпреступностью.

Связана такая позиция России с тем, что «мы неоднократно заявляли, что положения, которые нашли отражение в Конвенции о киберпреступлениях, на момент ее разработки и тем более на сегодняшний день не отвечают современным требованиям»¹.

Аналогичной позиции придерживаются и специалисты, которые как ранее, так и сегодня не перестают отмечать, что «ее идеологи ошибочно определили параметры сотрудничества, и в этом их стратегическая ошибка. Важнейшим условием подобных союзов должны стать не гарантии доступа к техническим средствам государств, а прежде всего обеспечение координации соответствующих силовых подразделений в рамках национальных границ». И, как далее отметил Евгений Касперский, «в силу отсутствия территориальных границ в интернете, любая инициатива, объединяющая страны для борьбы с киберпреступно-

стью по территориальным и политическим или иным признакам, заведомо ограничивает себя рамками, которые не позволят эффективно реализовывать задачи по противодействию киберкриминалитету»².

В-четвертых, достаточно сложно говорить о достижении эффективных мер совместного противодействия, когда сами государства, заинтересованные в борьбе с киберпреступлениями, осуществляют совершенно противоположную деятельность. Различные информационные ресурсы содержат информацию о том, что, например, «на 2015 год около 60 стран занимались разработкой средств компьютерного шпионажа, хакерских атак и наблюдения. В общей сложности 29 стран, включая Китай, Данию и Францию, имеют специализированные военные киберподразделения, занимающиеся противодействием угрозам информационной безопасности. В то же время 49 стран, включая Россию, Австралию, Бразилию и Египет, закупают специализированное хакерское программное обеспечение, а 63 страны, включая Чехию, Италию и Мексику, используют инструменты сплошного наблюдения как внутри страны, так и глобально, говорилось в исследовании WSJ. Создание и использование кибервооружений не требует колоссальных вложений в обогатительные заводы, разработку средств доставки и строительство пусковых установок»³.

Следует отметить, что, как следствие, по тем или иным причинам разрабатываемые продукты попадают в руки политически агрессивных группировок и террористических организаций. При этом они сами могут как приобретать их на просторах Интернета, так и получать от специальных государственных подразделений в качестве оружия, для осуществления воздействия на конкретные государства.

Учитывая неизбежный и опасный характер рассматриваемой деятельности, в конце сентября 2020 г. Президент России выступил с предложением о необходимости принятия всеми странами обязательства о ненападении первого удара с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Таким образом, Россия единственная из стран мира предпринимает усилия на мировом уровне, направленные на недопущение использования электронных и информационно-телекоммуникационных технологий, не только для совершения киберпреступлений, в том числе кибертерроризма и киберэкстремизма, но и для осуществления агрессии против государств, то есть развязывания кибервойн, активными поборниками которых являются террористические и экстремистские организации.

Безусловно, политика России в этой области заслуживает всеобщего одобрения и поддержки. Результатом рассмотрения предложения России стало принятие решения о создании Межправительственного комитета экспертов по разработке всеобъемлющей конвенции по борьбе с киберпреступностью. Хотя не все государства поддержали инициативу Рос-

¹ Российский дипломат назвал Будапештскую конвенцию по киберпреступлениям устаревшей. URL: <https://tass.ru/politika/4782506>

² Путин отказался подписать Конвенцию о киберпреступниках. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/putin_otkazalsya_podpisat_konventsuyu

³ ГА ООН приняла резолюцию России по разработке конвенции для борьбы с киберпреступлениями. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/221292533>

сии, складывающаяся ситуация позволяет видеть, что постепенно мировое сообщество начинает понимать необходимость принятия объективных мер, направленных на объединение усилий по борьбе не только с кибертерроризмом и киберэкстремизмом, но и киберпреступностью в целом на совершенно новом уровне.

При этом складывается парадоксальная ситуация, при которой Россия до разработки и ратификации конвенции вынуждена заключать двусторонние межправительственные соглашения о предотвращении эскалации компьютерных преступлений.

Таким образом, все больше стран стремятся наладить отношения и сотрудничество в сфере борьбы с киберпреступностью. Представляется, что одним из элементов такого сотрудничества стал бы консолидированный международный подход к дефиниции «кибертерроризм и киберэкстремизм», что в полной мере способствовало бы выработке единой системы борьбы с указанными явлениями, исключило бы возможность свободной их трактовки в собственных интересах, что в конечном итоге позволило бы унифицировать законодательства всех стран в рассматриваемой области и, как следствие, в конечном итоге позволило бы эффективно бороться с проявлениями кибертерроризма и киберэкстремизма путем активного взаимодействия правоохранительных органов государств на мировом уровне.

Пока Россия предпринимает активные действия на международном уровне в аспекте борьбы с киберпреступностью и такими ее частными проявлениями, как кибертерроризм и киберэкстремизм, необходимо активизировать внутренние усилия, направленные на повышение уровня не только борьбы с рассматриваемыми проявлениями, но и их профилактики.

По данным Генеральной Прокуратуры РФ, в 2019 г. зарегистрировано 1806 преступлений террористического характера, 844 из которых расследовано за отчетный период, а также 585 преступлений экстремистской направленности, 454 из которых расследовано. В 2018 г. преступлений террористического характера было зарегистрировано 1679, из которых было расследовано 748 преступлений, также 1265 преступлений экстремистской направленности, 1188 из которых было расследовано. В 2017 г. было зарегистрировано 1871 преступление террористического характера, 843 из которых расследовано, и 1521 преступление экстремистского характера, 1294 из которых расследовано. Всего за указанный период было выявлено 2344 лица, совершивших преступления террористического характера, и 2311 лиц, совершивших преступления экстремистского характера⁴.

Указанные данные не позволяют представить себе количество преступлений рассматриваемой категории, совершенных с использованием киберпространства и электронных телекоммуникационных технологий. Однако они дают четкое представление о сохранении стабильно высокого уровня преступлений террористического и экстремистского характера, что свидетельствует о нахождении Российской Федерации в секторе постоянного воздействия со стороны

агрессивно настроенных организаций, деятельность которых носит террористический и экстремистский характер.

В настоящее время в Российской Федерации Концепция борьбы с кибертерроризмом и киберэкстремизмом определена наличием широкого спектра форм нормативного регулирования, в той или иной степени касающихся рассматриваемой деятельности.

В Уголовном кодексе РФ ряд статей предусматривает ответственность за различные формы и проявления террористической и экстремистской деятельности. Имеются указания на использование в этих целях электронных и телекоммуникационных систем. В частности, частью 2 статьи 205.2 УК РФ предусмотрена ответственность за использование в целях призывов к террористической деятельности, ее оправданию или пропаганде средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе «Интернет».

Положениями Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определены действия, которые являются экстремистскими. Из этого следует, что перечень действий в Федеральном законе, реализуемых в том числе с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая «Интернет», Уголовным кодексом РФ квалифицируются как проявления кибертерроризма и киберэкстремизма.

Однако квалификация деяний, которые имеют признаки кибертерроризма и киберэкстремизма, квалифицируются не только по статье 205 УК РФ.

В настоящее время применение современных электронных и информационных телекоммуникационных средств в целях воздействия на различные объекты инфраструктуры государства, создающих опасность причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями может принести гораздо более серьезный эффект воздействия, чем совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на достижение вышеуказанных результатов. Например, нет необходимости взрывать электрическую подстанцию, когда ее работу можно нарушить путем вывода из строя ее компьютерной системы управления, осуществив на нее кибератаку или иные действия с использованием электронных телекоммуникационных систем и устройств.

Это полностью подтверждается анализом различных информационных источников, который позволяет прийти к выводу, что наиболее часто кибератакам подвергались именно госучреждения, промышленность, финансовые отрасли, медицина, образование⁵. В России число утечек информации по сравнению

⁴ Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map

⁵ Актуальные киберугрозы: итоги 2019 года // URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019/>

с 2018 г. увеличилось более чем на 40%, учитывая, что во все мире только на 10%⁶.

Госсистема обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий кибератак на российские информационные ресурсы выявила свыше четырех миллиардов компьютерных атак на информационную систему России в 2018 г.⁷

В этой связи в последнее время государством были приняты значительные усилия для защиты информационных ресурсов. В 2017 г. Федеральным законом были урегулированы отношения в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации в целях ее устойчивого функционирования при проведении в отношении нее компьютерных атак⁸.

Как следствие, принятие Закона потребовало изменения действующего законодательства, что и было сделано. В соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации»⁹.

На основании вышеизложенного следует сделать вывод, что в настоящее время внутреннее законодательство РФ в полной мере отвечает требованиям борьбы с рассматриваемыми явлениями, но, безусловно, требует уточнения и разъяснения всех положений рассматриваемого явления и приведение его в единое соответствие правовым положениям на основе научных изысканий.

Приходится констатировать, что в настоящее время все больше придется говорить о создании кибероружия, которое может быть использовано в отношении любого государства, и достаточно сложно предположить, кем первым, как и против кого оно будет использовано.

К сожалению, как отмечают эксперты, наличие современного кибероружия сегодня доступно не только государственным структурам и службам, но и рядовым хакерам или их группам. Такое положение подразумевает возможность как применения самого кибероружия, так и использования услуг хакеров потенциальными террористами, в штате которых, по оценкам тех же специалистов, давно созданы и функционируют специальные подразделения, которые занимаются кибертерроризмом и киберэкстремизмом. А учитывая то обстоятельство, что мировое сообщество оказалось не готово к адекватной реакции на

распространение рассматриваемых явлений, следует предположить, что Россия в ближайшее время останется один на один с проявлениями кибертерроризма и киберэкстремизма.

Существенным элементом создания системы противодействия и борьбы с кибертерроризмом и киберэкстремизмом в нашей стране стало создание Национального координационного центра по компьютерным инцидентам (НКЦКИ), а также принятие Федерального закона, регламентирующего и регулирующего отношения в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации в целях ее устойчивого функционирования при проведении в отношении ее компьютерных атак.

Таким образом, сегодня комплекс мер по борьбе с рассматриваемыми явлениями принимает уже совершенно иной окрас. Безусловно, у государства имеются все необходимые средства и методы установления конкретных заказчиков и исполнителей кибертеррористических и киберэкстремистских действий в отношении государства, однако, учитывая их транснациональный характер, сложно говорить о возможности привлечения указанных лиц к уголовной ответственности.

В этой связи наиболее правильно будет вести речь (говорить) о совершенствовании имеющихся и разработке и внедрении новых средств и методов предотвращения совершения киберпреступлений в целом и наиболее опасных частных форм их проявления — кибертерроризма и киберэкстремизма.

Несмотря на достигнутые нашим государством успехи в борьбе с киберпреступностью, при сохранении противоречий в международном праве (которые, видимо, будут существовать определенный промежуток времени, пока мировое сообщество сможет договориться, а также ввиду характера киберпреступности, ее источников и постоянного их совершенствования) законодательство Российской Федерации должно отвечать веяниям современной системы противодействия кибертерроризму и киберэкстремизму.

Следует отметить, что одним лишь изменением современного законодательства меры по борьбе с киберпреступностью не могут ограничиваться. Для решения поставленных задач необходим комплексный подход, отдельные элементы которого были рассмотрены выше.

Необходимо учитывать, что самый главный ущерб, который причиняется государству в случае провала политики в области борьбы и противодействия кибертерроризму и киберэкстремизму, это формирование у его граждан уверенности о наличии в государстве условий обеспечения их безопасности, которое влечет недоверие к его властям. Именно это обстоятельство влияет на выработку соответствующего подхода к созданию в России эффективной системы борьбы с проявлениями кибертерроризма и киберэкстремизма, которая позволяет противодействовать их проявлениям, с применением современных средств и методов, одной из которых являются блокчейн технологии, а также эффективной внешней политики в указанной сфере.

⁶ Утечки данных 2019: статистика, тенденции кибербезопасности и меры по снижению рисков // URL: <https://vc.ru/services/103616-utechki-dannyh-2019-statistika-tendencii-kiberbezopasnosti-i-mery-po-snizheniyu-riskov-vzloma>

⁷ ФСБ на страже сетевой безопасности. Что атакуют хакеры. URL: <https://life.ru/p/1202366>

⁸ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4736.

⁹ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4743.

О роли виктимологической профилактики в предупреждении преступлений с использованием информационных технологий

Клещина Елена Николаевна,

профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук, доцент

elena-kleshina@mail.ru

Цель. Изучить роль виктимологической профилактики в предупреждении преступлений с использованием информационных технологий. **Методология:** использованы методы: сравнительно-правовой, исторический, статистический, логический. **Вывод.** При оценке важности мер предупреждения преступлений с использованием информационных технологий важное значение имеет необходимость уделения внимания мерам виктимологической профилактики. **Научная и практическая значимость.** Представленные в статье выводы имеют практическую значимость при реализации в деятельности правоохранительных органов, заинтересованных в информационной безопасности организаций.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика, информационные технологии, преступления, жертва преступления.

В последние годы произошел значительный рост преступлений с использованием информационных технологий. Так, по данным ГИАЦ МВД России, в 2019 г. всего зарегистрировано 2024,3 тыс. преступлений. Из них преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий, составляют 294,4 тыс., что на 70% больше, чем за 2018 г. Половина таких преступлений совершается с использованием сети «Интернет», а более трети — при помощи средств мобильной связи¹.

За период январь-июль 2020 г. число преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года выросло на 94,6%, в том числе тяжких и особо тяжких — на 129,7%. При этом расчетные (пластиковые) карты использовались в криминальных целях почти в 6 раз чаще, чем годом раньше, а средства мобильной связи — более чем в 2 раза чаще².

Генеральный прокурор И. Краснов обращает внимание не только на значительный рост в последние годы киберпреступлений, но и на сложности в их раскрытии, поскольку в 2019 г. удалось раскрыть только четверть из всех совершенных преступлений с использованием информационных технологий. По его мнению, низкая их выявляемость порождает безнаказанность и чувство вседозволенности³.

В этой связи чрезвычайно важны эффективные меры предупреждения указанных преступлений. При этом существенное внимание необходимо уде-

лять мерам виктимологической профилактики, их совершенствованию.

Как отмечает заместитель Председателя Совета безопасности РФ Д.А. Медведев, «каждый год фиксируется взрывной рост киберпреступлений. И это не потому, что на это государство никак не влияет, а потому, что цифровые технологии становятся все шире, все глубже проникают в повседневную жизнь и стать жертвой такого преступления становится все легче»⁴.

В научной литературе «виктимологическая профилактика — одно из направлений предупреждения преступности, еще далеко не в полной мере реализованное. Это специфическая деятельность социальных институтов, направленная на выявление и устранение (нейтрализацию, блокирование) факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и в этом качестве детерминирующих совершение преступлений; установление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействие на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств; разработка или совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации»⁵.

Для эффективной виктимологической профилактики преступлений с использованием информационных технологий необходимо учитывать такие явления, как виктимность и виктимизация.

В теории криминологии под виктимностью понимается повышенная способность человека в силу ряда

¹ Состояние преступности в России за 2019 год. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>

² Состояние преступности в России за январь-июль 2020 года. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>

³ Егоров И. Генпрокурор рассказал о росте числа киберпреступлений в России // Российская газета. 2020. 7 июля.

⁴ Медведев заявил о взрывном росте киберпреступности // РИА Новости. 2020. 2 сентября.

⁵ См.: Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы : монография. М., 2001. С. 108.

духовных, физических, социальных качеств при определенных объективных обстоятельствах становится жертвой преступления⁶.

Индивидуальная виктимность, следовательно, складывается из личного и ситуационного компонентов, причем качественная характеристика первого находится в системной зависимости от второго. Личностный компонент индивидуальной виктимности — это способность стать жертвой в силу определенных, присущих индивиду субъективных качеств⁷.

Виктимизация же представляет собой «процесс превращения лица в жертву преступления»⁸.

На способность стать жертвой преступлений с использованием информационных технологий влияет: незнание способов их совершения; несоблюдение рекомендуемых мер безопасности; непонимание того, что киберпространство не имеет границ; беспечность по отношению к защите своих персональных данных (банковской карты, паролей и др.); игнорирование имеющимися средствами защиты компьютерной системы, банковских данных; излишняя доверчивость и т.д.

Способы совершения преступлений с использованием информационных технологий различны. При этом отметим быструю приспособляемость преступников к различным новым ситуациям. Так, к примеру, в последнее время преступниками распространяется информация о приглашении пройти в поликлинике обследование на каронавирус, но сначала предлагается зарегистрироваться на некоем сайте или установить программу на телефон или компьютер. Другой способ: мошенники рассылают информацию о компенсации за ущерб от вируса, предложив пройти по ссылке и зарегистрироваться. Кроме того, резко активизировались телефонные мошенники, выдающие себя за сотрудников банка, которыми предлагается срочно сделать перевод денежных средств на другой «резервный» или «защищенный» счет.

Как отмечает директор блока экспертных сервисов Vi.Zone Е. Волошин, за десять дней после регистрации Минздравом России первой вакцины от коронавируса в зонах .com и .ru появилось 113 связанных с ней доменов⁹.

Приведем примеры судебной практики, в которых очевиден процесс виктимизации.

Так, 19 марта 2017 г. около 16.20 гражданин Д., находясь в г. Екатеринбурге, действуя умышленно, незаконно, из корыстных побуждений, с целью личного незаконного обогащения и обращения чужого имущества в свою пользу, путем ввода, модификации компьютерной информации и вмешательства в функционирование средств хранения, обработки передачи компьютерной информации, будучи осведомленным о порядке и правилах доступа к автоматизированной услуге «мобильный банк» ПАО «Сбербанк» и воз-

можности перевода с ее помощью денежных средств без использования банковской карты владельца счета, используя имеющуюся в его распоряжении сим-карту оператора сотовой связи «Мегафон» с абонентским номером, отправил электронное текстовое смс-сообщение на абонентский номер, используемый ранее не знакомым ему Ш., проживающим на территории Кабардино-Балкарской Республики, следующего содержания: «Ваша банковская карта заблокирована». Гражданин Ш., будучи введенным в заблуждение поступившим сообщением, перезвонил на указанный абонентский номер, используемый Д. Д., представившись сотрудником ПАО «Сбербанк», действуя из корыстных побуждений, в ходе разговора ввел Ш. в заблуждение и выяснил у Ш. номер его банковской карты и кодовое слово, указанное в договоре при оформлении банковского счета, а также попросил у Ш. устного разрешения о списании с его банковской карты 10 р. для проверки движения денежных средств по его расчетным счетам. Ш., введенный в заблуждение относительно необходимости взятия на контроль сотрудниками ПАО «Сбербанк» клиентов указанного банка, действуя по указанию Д., сообщил последнему необходимую информацию.

После этого 19 марта 2017 г. Д., продолжая преступные действия, используя технику, имеющую доступ в сеть «Интернет», произвел действия по вводу, модификации компьютерной информации и вмешательству в функционирование средств хранения и обработки информации, введя сообщенные Ш. данные на интернет-сайте «Сбербанк-онлайн», получил прямой доступ к распоряжению денежными средствами, находящимися на лицевом счете Ш., к которому привязана банковская карта. Далее Д. осуществил перевод с лицевого счета, принадлежащего Ш., на счет, находящийся в пользовании Д., денежных средств на сумму 499 тыс. рублей. Далее, на следующий день, указанным способом перевел 500 тыс. рублей¹⁰.

Приведем еще один пример судебной практики, где потерпевшим является юридическое лицо.

Согласно Апелляционному определению Московского городского суда, соучастники П., Р., Д., В., обладающие специальными познаниями и навыками в сфере компьютерной информации, из корыстной заинтересованности, имея умысел на хищение денежных средств наименование ПАО «Банк...», вступили между собой в преступный сговор.

Для совершения преступления в период с февраля по март 2018 г. ими был разработан общий план, который предусматривал совместные координируемые и синхронизируемые, одновременные действия, в том числе распространение и использование компьютерных программ, заведомо предназначенных для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации и нейтрализации средств защиты компьютерной информации, для получения неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся на серверах и ПК сотрудников банка, как подключенных к внутренней

⁶ См., напр.: Криминология : учебник для вузов /под ред. В.Д. Малкова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 183.

⁷ Криминология : учебник / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 156.

⁸ Там же. С. 157.

⁹ Эксперты по кибербезопасности предупредили о фейковых сайтах про вакцину от COVID-19 // INTERFAX.RU. 2020. 21 августа.

¹⁰ Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 20 марта 2018 г. по уголовному делу № 1-144/2018 // Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга.

информационно-телекоммуникационной сети банка, так и имеющих непосредственный либо опосредованный — через VPN-сервер — доступ в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет; поиск в Интернете устройств, подключенных к локальным сетям банка, проверку этих устройств с помощью таких компьютерных программ на предмет обнаружения уязвимостей и возможности подключения к ним в целях проникновения в локальную сеть, и определения объектов преступного посягательства; получение с помощью вредоносных компьютерных программ неправомерного доступа в локальные сети банка и подключенным к ним персональным компьютерам сотрудников; сбор и копирование при осуществлении неправомерного доступа информации об авторизационных данных сотрудников банка в локальной банковской сети, паролю-кодовой информации пользователей, сведений о подключенных внешних (периферийных) устройствах — банкоматах, киосках самообслуживания (терминалах для самостоятельного выбора и оплаты товара), POS (ПиОуЭс)-терминалов (устройств приема к оплате платежных карт); неправомерное получение с использованием не санкционированно собранной и скопированной таким способом информации прав администратора локальной банковской сети; приобретение пластиковых банковских карт у неосведомленных о преступном умысле лиц, являющихся клиентами банка; получение похищенных таким способом наличных денежных средств в банкоматах и распределение преступного дохода между участниками группы.

Таким образом, заранее разработанный преступный план П., Р., Д., В. предусматривал совместное совершение мошенничества в сфере компьютерной информации.

Указанные соучастники получили в свое распоряжение и пользование комплекс компьютерных программ «Cobalt Strike» («Кобальт Страйк») производства наименование организации («Стратеджик Сайбер, ЭльЭльСи») (США), имеющийся в свободной продаже и реализуемый без каких-либо ограничений. Основным назначением комплекса программ является проведение оценки безопасности информационных систем и сетей посредством моделирования различных компьютерных атак.

Функциональные возможности указанного комплекса компьютерных программ позволяли по сети Интернет осуществлять удаленное, скрытое от пользователя ПК, выполнение на атакуемом компьютере различных команд операционной системы, осуществлять загрузку и запуск входящих в состав комплекса компьютерных программ — клиентской части ПО и управлять ими скрытно от пользователя этого ПК, то есть несанкционированно. Взаимодействие с серверной частью ПО происходит посредством создания скрытых каналов с использованием протоколов DNS (ДиЭнЭс), НТТР (ЭйчТиТиПи), НТТРС (ЭйчТиТиПиЭс) для предотвращения обнаружения данного сетевого взаимодействия.

Денежные средства наименование организации в рамках общего преступного умысла соучастников похищались с апреля по август 2018 г. в различные периоды времени с использованием пластиковых банков-

ских карт с учетом изложенных выше обстоятельств путем извлечения из диспенсеров банкоматов различных банков и кредитных организаций на адрес и других государств¹¹.

В указанных примерах судебной практики наглядно процесс виктимизации.

Очевидно, что в современный период киберпреступники пользуются тем, что общество еще не готово противостоять угрозам в сфере информационных технологий. Кроме того, как уже отмечалось, значительное количество рассматриваемых преступлений остаются нераскрытыми. Все указанное способствует их росту. В этой связи важны эффективные меры предупреждения данных преступлений и прежде всего меры виктимологической профилактики.

Меры виктимологической профилактики преступлений в сфере информационных технологий должны реализовываться правоохранительными органами, а также и другими организациями, учреждениями.

Следует признать, что применяемые меры виктимологической профилактики правоохранительными органами за период прошлого и текущего года весьма заметны. Значительный скачок преступлений в сфере информационных технологий произошел с января по июнь 2020 г., в период принимаемых государством мер по борьбе с коронавирусной инфекцией, произошло увеличение и некоторых других преступлений. О складывающейся криминогенной ситуации освещалось в средствах массовой информации (в сети «Интернет», на телевидении, в печати). Кроме того, в г. Москве следует признать положительной практику размещения в подъездах многоквартирных домов информации о криминогенной обстановке в городе, способах совершения различных преступлений, в том числе с использованием информационных технологий. Думается, что подобную практику следует использовать и в других городах, населенных пунктах.

Существенное значение, бесспорно, имеет выявление причин и условий совершения рассматриваемых преступлений при расследовании уголовных дел. В настоящее время, несмотря на нормативное закрепление требований, адресованных дознавателям, следователям, изучать эти обстоятельства и применять меры по их устранению, ими недостаточно уделяется внимание данной проблеме.

Поскольку подавляющее большинство преступлений с использованием информационных технологий совершается в банковской сфере, то чрезвычайно важно совершенствовать меры виктимологической профилактики банковскими, финансовыми организациями.

Мы также отметим, что за предыдущий и текущий год крупнейшими банками уделяется значительное внимание этим мерам. На сайтах, например, банков ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБбанк» размещена информация о мерах безопасности, которые следует знать клиентам банков при пользовании

¹¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 29 мая 2019 г. по уголовному делу № 10-7791/19. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/b71adc81-c8a2-47f8-99b3-3dfe9a7876d1>

банковскими картами, счетами. На стендах в отделениях банка размещается актуальная информация о способах совершения преступлений в этой сфере. Кроме того, ПАО «Сбербанк» практикует рассылку информации на электронную почту своим клиентам о новых способах совершения преступлений с использованием информационных технологий и мерах безопасности.

Думается, что имело бы значение и такая мера, как раздача памяток в банках о новых способах совершения преступлений с использованием информационных технологий, например, при открытии нового расчетного счета или совершении других банковских операций. Особенно это было важно для людей старшего возраста, не являющихся компьютерными пользователями и пользователями онлайн-банков.

Кроме того, необходимо в большей степени распространять в средствах массовой информации, на информационных стендах информацию о мерах виктимологической профилактики. Следовало бы наря-

ду с распространением информации о новых способах совершения преступлений с использованием информационных технологий указывать на различные меры безопасности, в том числе на важность создания надежных персональных, уникальных паролей к различным сервисам, использования специального программного обеспечения (антивирус, расширение для браузера), отключения общего доступа к своей wi-fi точке и др. Эта информация имела бы профилактическое значение для активных пользователей.

Различным организациям, учреждениям следует обратить внимание на необходимость внедрения новых методов информационной защиты. Стратегические решения по кибербезопасности должны быть исключительно в ведении руководства организации, а не сотрудников технических подразделений соответствующей организации.

Таким образом, очевидно, что в современных условиях необходимо совершенствование мер предупреждения преступлений в сфере информационных технологий.

Литература

1. Алексеев А.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы : монография / А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. Москва : Норма, 2001. 481 с.
2. Егоров И. Генпрокурор рассказал о росте числа киберпреступлений в России / И. Егоров // Российская газета. 2020. 7 июля.
3. Криминология : учебник для вузов / под редакцией В.Д. Малкова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстицинформ, 2008. 527 с.
4. Криминология : учебник для студентов вузов / под редакцией Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2004. 629 с.

References

1. Alekseev A.I. Kriminologicheskaya profilaktika: teoriya, opy`t, problemy` : monografiya [Criminological Prevention: The Theory, Experience, Issues : monograph] / A.I. Alekseev, S.I. Gerasimov, A.Ya. Sukharev. Moskva : Norma – Moscow : Norm, 2001. 481 s.
2. Egorov I. Genprokuror rasskazal o roste chisla kiberprestupleniy v Rossii [The Prosecutor General Has Reported the Growing Number of Cybercrimes in Russia] / I. Egorov // Rossiyskaya gazeta. 2020. 7 iyulya – Russian Newspaper. 2020. July 7.
3. Kriminologiya : uchebnik dlya vuzov [Criminology : textbook for higher educational institutions] / pod redaktsiyey V.D. Malkova. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : Yustitsinform – edited by V.D. Malkov. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow : Justice Inform, 2008. 527 s.
4. Kriminologiya : uchebnik dlya studentov vuzov [Criminology : textbook for students of higher educational institutions] / pod redaktsiyey N.F. Kuznetsovoy, V.V. Luneeva. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Volters Kluver – edited by N.F. Kuznetsova, V.V. Luneev. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow : Wolters Kluwer, 2004. 629 s.

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

Самодетерминация организованной преступности

Королева Марина Валерьяновна,

доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
Lab.kcriminolog@msal.ru

Цель. Изучить проблему самодетерминации организованной преступности, которая способна влиять на активизацию других видов преступности. **Методология:** включает в себя следующие методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, анализа и прогнозирования. **Выводы.** 1. Организованная преступность детерминирована взаимодействием множества таких негативных явлений и процессов в различных сферах функционирования общества: социальных, экономических, политических, правовых и иных. 2. Организованная преступность является основным корруптером, вовлекающим в коррупционные отношения широкий круг должностных лиц, которые затем способствуют сохранению и развитию криминальных организованных структур, помогают им уклоняться от налогов, приобретать собственность, уходить от уголовной ответственности за совершенные преступления и т.д. **Научная и практическая значимость.** Выводы, представленные в статье, направлены на повышение эффективности противодействия организованной преступности в целом.

Ключевые слова: организованная преступность, негативные явления, самодетерминация, самопроизводство, коррупция.

Организованная преступность — особый вид преступности, обладающий не только способностью влиять на эскалацию иных видов преступности, стимулируя самодетерминацию всей преступности, но и высокой степенью собственной самодетерминации¹. Она детерминирована взаимодействием множества негативных явлений и процессов в различных сферах функционирования общества: социальных, экономических, политических, правовых и иных, негативно влияющих на нравственно-правовое сознание населения, стимулируя антиобщественные формы поведения². Это обуславливает механизм ее самовоспроизводства. Вместе с тем, абстрагируясь от внешних причин преступности, мы находим многие детерминанты преступности в ней самой. Так, например, рассматривая организованную преступность, как одну из важнейших форм самодетерминации всей преступности, многие криминологи пришли к выводу о становлении ряда социально-экономических институтов на криминальной основе и продолжающемся влиянии на них криминального фактора (страховые организации, банки и др.)³. И это во многом обусловило криминализацию зарождающейся экономики, экспансию криминальных капиталов и криминальных методов предпринимательства⁴.

Организованная преступность давно уже превратилась в реальную и серьезную угрозу безопасности различных организаций, общества и государства. Как спе-

цифическая подсистема общества, организованная преступность в процессе своего развития взаимодействует с иными общественными явлениями и структурами, интегрируя в свою систему различные виды деятельности (прежде всего антиобщественной). Для характеристики детерминирующей взаимосвязи организованной с иными видами преступности особенно важны такие ее признаки, как стремление любыми путями (в первую очередь криминальными) монополизировать определенную сферу деятельности (бизнеса), занять в ней выгодную нишу и обеспечить собственную безопасность, необходимость которой толкает организованные преступные формирования (ОПФ) не только на незаконное приобретение оружия, но и на различные преступления коррупционного и иного характера, направленные на сотрудников правоохранительных органов.

Организованная преступность является основным корруптером, вовлекающим в коррупционные отношения широкий круг должностных лиц, которые затем способствуют сохранению и развитию криминальных организованных структур, помогают им уклоняться от налогов, приобретать собственность, уходить от уголовной ответственности за совершенные преступления и т.д. Именно коррупционными интересами стимулируется и криминализация современной правоохранительной системы. Взятничество сотрудников правоохранительных органов и судей приводит их к совершению целого ряда преступлений против правосудия, в результате чего остаются безнаказанными представители ОПФ и особенно их руководящее звено.

Таким образом, преступность, и особенно организованная преступность, с одной стороны, является продуктом общества, пронизывает различные его сферы и общественные отношения, с другой — обладает способностью обратного влияния на общественные отношения и их деформацию в соответствии со своими собственными специфическими характеристиками⁵. И процесс этот неотвратим, поскольку преступность,

¹ Процесс воспроизводства преступности, ее эскалации, ухудшения ее количественных и качественных характеристик, связанный с самим существованием и развитием преступности, является ее самодетерминацией.

² Подробнее см.: Королева М.В. Влияние преступности на криминализацию общества // Конституционное развитие России: проблемы теории и практики. Рязань, 2012. С. 26–27.

³ Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2011. С. 202.

⁴ Боровских Р.Н. Организованная преступность в страховой деятельности // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом. М., 2008. С. 33–34.

⁵ Криминология : учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 104.

как массовое социально-правовое явление, закономерна и достаточно стабильна в любом государстве, а значит, способна сама себя порождать, стимулировать и влиять на собственное самосохранение и приумножение. Естественно поэтому чем выше уровень преступности, тем интенсивнее и процесс ее самодетерминации.

Организованная преступность влияет не только на масштабы, но и на структуру преступности, увеличивая долю наиболее тяжких и общественно опасных преступлений, повышая устойчивость преступности (за счет рецидивной и профессиональной), воздействуя таким образом на качественные параметры преступности.

Общая самодетерминация всей преступности тесно связана с развитием ее организованных форм. При этом организованная преступность, как специфическая подсистема, в процессе своего развития взаимодействует с иными общественными явлениями и структурами, интегрируя в свою систему различные виды преступлений. Следовательно, организованная преступность сама обладает способностью к самодетерминации, что связано с ее особыми специфическими характеристиками.

Определить механизмы самодетерминации организованной преступности следует исходя из ее основных признаков, разработанных в криминологической науке, которые как раз и отличают ее от других криминальных явлений. Наиболее значимым из механизмов такой самодетерминации является тот факт, что создание организованного преступного формирования (ОПФ) уже предполагает совершение целого ряда преступлений в интересах такого сообщества. Наряду с этим важное самодетерминирующее значение имеет стремление ОПФ любыми путями, и в первую очередь криминальными, монополизировать конкретную сферу деятельности (наркобизнес, игорный бизнес и др.), заняв в ней лидирующую позицию. Полученная в результате преступной деятельности прибыль образует материальную базу для развития, укрепления и расширения ОПФ, создания региональных подструктур, а также удовлетворения ее внутренних потребностей, расширения возможностей самофинансирования, накопления средств, в последующим вложением их в легальный бизнес, в создание «общака», в различного рода коррупционные схемы.

Еще отчетливей подчеркивает механизм самодетерминации организованной преступности необходимость обеспечения собственной безопасности, которая толкает ОПФ на незаконное приобретение оружия, которое впоследствии может использоваться для совершения различных насильственных преступлений, в процессе криминальных разборок, в целях устранения нежелательных конкурентов, запугивания и устранения свидетелей, потерпевших и даже сотрудников правоохранительных органов, с которыми не удалось «договориться», а также «ненадежных» членов в своих рядах и других лиц, препятствующих их деятельности.

Обеспечение собственной безопасности организованных преступных формирований прежде всего предполагает создание, расширение и укрепление различных коррупционных связей, и особенно с сотрудниками правоохранительных органов, о чем уже упоминалось выше. При этом связь организованной преступности и коррупции настолько важна, что предполагает отдельное специальное рассмотрение данной темы в самостоятельной работе.

Собственные возможности самодетерминации организованной преступности связаны с тем, что, как качественно иное явление, она создает собственную систему управления, безопасности, свои суды, осуществляет свою внутреннюю и внешнюю политику⁶.

Рассмотрение основных аспектов самодетерминации организованной преступности предполагает анализ ее важнейших видов, форм и механизмов. Прежде всего можно выделить 2 основных вида самодетерминации: прямую и косвенную, опосредованную обратным влиянием нравственно-психологических характеристик населения, уже сформировавшихся под воздействием общей криминализации и особенно ее организованных форм.

Прямая самодетерминация организованной преступности имеет место тогда, когда деятельность организованных преступных формирований находится в прямой причинной связи с совершением целого ряда организованных преступлений. Например, получение доходов от мошеннических действий ОПФ влечет необходимость их легализации; многократное совершение преступлений ведет к рецидиву и профессионализации членов ОПГ и т.д.

По аналогии с самодетерминацией всей преступности самодетерминация преступности организованной может проявляться в совершении вспомогательных или дополнительных преступлений. Данная форма связана с такими признаками ОП, как устойчивость и продолжительность существования ОПФ, иерархическое построение и централизованность управления, соответствующее этому разделению ролей членов ОПФ. Вспомогательные (подсобные) преступления по своей цели можно разделить на 3 группы:

— преступления, совершаемые ради подготовки основного, как правило, более крупного и общественно опасного преступления, способного принести организованному преступному формированию значительную выгоду. Такие преступления предшествуют основному и, по мнению В.Е. Эминова, «неминуемо влекут за собой основные»⁷. Это такие преступления, как подделка документов с целью совершения хищения, мошенничества и других экономических преступлений; приобретение оружия для совершения заказных убийств, бандитизма, террористических актов, похищение людей для дальнейшего использования их рабского труда или трансплантации органов и т.д. При этом важно отметить, что на организованную преступность работают разного рода специалисты, которые участвуют в подготовке таких преступлений (обеспечивают членов ОПГ поддельными паспортами и другими документами, транспортом, различными техническими приспособлениями, изготавливают оружие, наркотики, яды, разного рода психотропные вещества и т.д.). Юридическое сопровождение деятельности ОПФ и защиту от уголовного преследования осуществляют так называемые «черные» адвокаты;

— преступления, совершаемые ради сокрытия следов предыдущего, весьма характерны для ОПФ. Это, например, поджог дома после совершенного в нем убийства или магазина после совершенного хищения;

⁶ Долгова А.И. Криминологическая оценка организованной преступности и коррупции, правовые батальи и национальная безопасность. М., 2011. С. 290.

⁷ Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1997. С. 106.

угрозы и запугивание потерпевших и свидетелей преступлений, совершенных представителями ОПГ с целью добиться отказа от показаний, разоблачающих деятельность организованной группы;

— очень характерны для организованной преступности деяния, совершаемые с целью использования результатов преступной деятельности, такие как легализация преступно нажитых доходов. Именно отмывание (легализация) доходов, образование и пополнение «общака», создающие материальную базу функционирования ОП, стимулируют ее воспроизводство, расширение и активизацию деятельности.

Воспроизводство организованной преступности тесно связано с продолжительностью ее существования, когда ОПФ своевременно не выявляется, а ее деятельность не пресекается. Этому во многом способствует особо высокая латентность такой преступности. В данном случае механизм самодетерминации связан с безнаказанностью, стимулирующей членов ОПГ продолжать свою антиобщественную деятельность. Надо отметить, что данная форма самодетерминации во многом зависит от уголовной политики государства и практики борьбы с организованной преступностью. Если правоохранительные органы ослабляют свою регистрационную дисциплину (речь идет о полноте выявления и регистрации преступлений), растет латентная часть преступлений, причем погоня за показателями раскрываемости ведет к выявлению только самых простых, очевидных преступлений, имеющих судебную перспективу, а наиболее сложные, организованные, совершаемые преступниками-профессионалами, остаются за рамками выявления и регистрации, способствуя дальнейшей эскалации организованной преступности⁸.

Особо следует остановиться на таком определяющем факторе самодетерминации организованной преступности, как коррупция. Многие интересы организованных преступных формирований обеспечиваются с помощью коррупционных связей. Под «коррупционным покровительством», как правило, происходит незаконная предпринимательская деятельность, «отмывание» денежных средств, полученных незаконным путем, неправомерное получение кредита, недопущение ограничения или устранение конкуренции, уклонение от уплаты таможенных платежей, налогов и сборов, нарушение авторских и смежных прав, мошенничество и другие преступления⁹.

Механизм самодетерминации ОП с помощью коррупции проявляется прежде всего в том, что организованная преступность является основным корруптером, выступая заказчиком действий подкупаемой стороны, «и это обуславливает самодетерминацию организованной коррупции, что проявляется в вовлечении в коррупционные отношения широкого круга лиц»¹⁰.

⁸ Королева М.В. Оценка современной криминальной ситуации в России // Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права. М.: Проспект, 2016. С. 138.

⁹ Зорников Д.В. К вопросу о предупреждении «силового предпринимательства» в малом предпринимательстве // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (18–20 апреля 2002 г.). М., 2003. Вып. 2. С. 266–268.

¹⁰ Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 20.

При этом коррумпированные должностные лица способствуют сохранению и развитию криминальных структур, помогая им, например, уклоняться от налогов, незаконно приобретать собственность, избегать уголовной ответственности за совершенные преступления и т.д. Коррупционные проявления могут «продуцировать или, напротив, выступать в качестве предикатных по отношению к криминальным и околокриминальным явлениям («рейдерство», недобросовестная конкуренция, «крышевание», наркобизнес)»¹¹.

Особенно тесно с самодетерминацией организованной преступности связан такой ее неотъемлемый признак, как обеспечение собственной безопасности. В основном ради этого происходит коррумпирование правоохранительных органов и судов. Действительно, в последнее время достаточно серьезной проблемой стала криминализация правоохранительной системы, стимулируемая коррупционными интересами.

Взяточничество сотрудников правоохранительных органов влечет за собой совершение в первую очередь преступлений должностных и против правосудия, таких как незаконное освобождение от уголовной ответственности, незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, фальсификация доказательств, вынесение заведомо неправосудных приговоров и решений и других, обеспечивающих безопасное и комфортное положение организованных преступных формирований¹².

Устойчивая способность организованной преступности к самовоспроизводству обуславливается и другими ее особенностями. Например, Макаров В.В. выделяет в числе таких факторов, помимо коррупционных связей, слияние общеуголовной и экономической преступности, наличие «общака» и легализованных денежных средств, внедрение в политическую сферу, наличие международных криминальных связей и др.¹³ В принципе, соглашаясь с такой позицией, хочется вместе с тем подчеркнуть, что, помимо вышеперечисленных факторов, большое значение для воспроизводства организованной преступности имеет рецидивная и профессиональная преступность.

Повышение уровня латентности преступности и особенно числа нераскрытых преступлений с неизбежностью приводит к росту масштабов рецидивной преступности (имеется в виду криминологический рецидив). Как уже отмечалось, безнаказанность преступников стимулирует их продолжать и развивать свою преступную деятельность, совершенствовать криминальные методы, наращивать преступный профессионализм. Это в значительной мере является показателем механизма самодетерминации организованной преступности. Нельзя забывать, что большинство организованных преступных формирований насчитывают в своих рядах немало рецидивистов, не говоря уже о преступных сообществах, практически полностью состоящих из таких лиц. В результате нарастает рецидивоопасность преступности, т.е. соотношение первичной и рецидивной преступности постепенно меняется в пользу последней. В настоящее время мы наблюдаем

¹¹ Там же. С. 10.

¹² Подробнее см.: Королева М.В. Роль коррупции в криминализации правоохранительной деятельности // Уголовное право. 2007. № 1. С. 106–109.

¹³ Макаров В.В. Самодетерминация преступности. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 72.

самую высокую за последние десятилетия рецидивоопасность преступности. Если в 2005–2008 гг. удельный вес рецидивных в общем числе преступлений составлял около 30%, в 2010 г. вырос до 37%, в 2014 г. составил уже более половины всех зарегистрированных и законченных расследованием преступлений — 53,7%, то за последние 5 лет он увеличился с 55% в 2015 г. до 59% в 2019 г. В соответствии с этим и удельный вес лиц, ранее совершавших преступления — рецидивистов в общем числе преступников вырос с 2000 г. по 2019 г. с 25% до 57%. При многократном рецидиве повышается профессионализм преступников, приобретаются и закрепляются необходимые криминальные знания и навыки, криминальный опыт; преступная деятельность постепенно вытесняет любую иную и становится для преступника основным или даже единственным источником доходов, обеспечивая зачастую достаточно высокий уровень жизни; и наконец, укрепляются связи с криминальной средой, способствующие созданию устойчивых преступных сообществ и эскалации организованной преступности.

Таким образом, одним из негативных последствий роста рецидивоопасности преступности является усиление самодетерминации организованной преступности. Помимо прочего, механизм такой самодетерминации связан с резким изменением к худшему состава осужденных, отбывающих наказания в уголовно-исполнительных учреждениях. Среди них преобладают опасные преступники, многократные рецидивисты с глубокой нравственно-правовой деформацией личности, плохо или вообще не поддающиеся исправлению и перевоспитанию, отрицательно влияющие на оперативную обстановку в исправительных учреждениях, ведущие соответствующую психологическую обработку других осужденных. В результате этого в местах исполнения наказаний вместо исправления и перевоспитания происходит консолидация преступного мира и его профессионализация. Все это может свидетельствовать о расширении пенитенциарной самодетерминации преступности и особенно преступности организованной¹⁴.

Механизм такой самодетерминации имеет свои особенности, обусловленные рядом криминологически значимых факторов. Во-первых, осужденный попадает в криминальную среду, самовоспроизводящим свойством которой является криминальная субкультура, поощряющая негативные формы поведения и соответствующие связи. Во-вторых, заключенный, который окружен (на ограниченной территории) лицами с устойчивой антисоциальной установкой, может пойти на совершение преступления для самозащиты, в-третьих, ради обеспечения собственной безопасности он вынужден включиться в антиобщественную группировку, в которой он окажется под покровительством криминальных авторитетов, обладающих реальной властью в данном уголовно-исполнительном учреждении. Таким образом, механизм пенитенциарной самодетерминации организованной преступности в основном выражается: 1) в наличии тюремной субкультуры и обязанности осужденных подчиняться традициям и нормам криминальной среды, поддерживаемым местными лидерами и авторитетами; 2) в существующих в уголовно-исполнительных учреждениях конфликтах между группами осужден-

ных, отдельными осужденными либо между отдельным осужденным и группой таких лиц (что создает наиболее опасные для него ситуации), а также между осужденными и представителями администрации; 3) в субъективно сложной психологической ситуации, сложившейся у осужденного, ожидающего оскорблений, насилия и поэтому вынужденного примкнуть к какой-либо группировке и поддерживать ее интересы.

В отличие от прямой самодетерминации, при косвенной (опосредованной) самодетерминации воспроизводство организованной преступности детерминировано состоянием социальной среды, негативно меняющимся под воздействием криминализации населения и особенно организованной преступности, влияющей на экономические, политические, социальные процессы, а также на нравственно-психологическую атмосферу общества. Такое влияние может приводить к дезорганизации общества. Э. Дюркгейм назвал такое положение аномией, т.е. состоянием относительного отсутствия норм в обществе или группе, которое, в частности, приводит к росту девиантного поведения людей¹⁵.

Такая ситуация складывалась в стране в годы перестройки в условиях, когда большинство существовавших прежде норм поведения перестали соответствовать новым реалиям и фактически не применялись. При этом сохранилась и заметно укрепилась социальная сила криминалитета, способная регулировать свою, и не только свою, деятельность определенными нормами, функцию которых выполняли обычаи и традиции криминальной среды — «понятия», реализация которых достаточно жестко обеспечивалась с помощью силовых методов принуждения к исполнению. Особенно эффективно обеспечивалась реализация «решений» в спорных ситуациях с помощью представителей организованных преступных формирований. При этом в отличие от обычных граждан сами члены преступных группировок для решения собственных споров и конфликтов могли использовать только «теневую юстицию», поэтому опыт ее «осуществления» у них уже был накоплен.

«Теневая юстиция» — это достаточно новое для нашей страны явление, которое заключается в использовании собственных средств при разрешении споров, конфликтных ситуаций, возникающих между гражданами, а также неправомерное, нелегальное наказание преступника потерпевшим (месть обидчику), осуществляемое собственными силами без участия аппарата юстиции, а зачастую даже с использованием криминального ресурса. В значительной степени причиной развития теневой юстиции стало отсутствие доверия к правоохранительной системе государства. Негативный общественно опасный характер теневой юстиции заключается в том, что потерпевший не только нарушает действующее законодательство, но и, как правило, действует более жестко, причиняя обидчику неизмеримо больший вред в сравнении с собственным. «Теневая юстиция» приобрела широкое распространение в России в конце прошлого века, но не потеряла актуальности и в настоящее время. Социологические опросы населения показали, что более 60% респондентов в случае нарушения их прав не будут обращаться в правоохранительные органы, а попытаются «разо-

¹⁵ Термин «аномия» был введен в широкое научное употребление французским социологом Эмилем Дюркгеймом. Впоследствии концепция социальной дезорганизации была развита американским социологом Робертом Мертоном.

¹⁴ Пенитенциарная криминология. Рязань, 2009. С. 138–160.

браться» с обидчиком своими собственными силами. И на практике такие «разборки» чаще всего происходят с участием родных, близких, друзей, естественно, с использованием незаконных и криминальных методов.

В настоящее время сложился уже определенный перечень услуг «теневого юстиции», оказываемых ОПФ: выбивание долгов за определенный процент от взысканных сумм, оказание «третейских» услуг («разводы», «разведение концов»¹⁶) конфликтующим сторонам и др.¹⁷

На воспроизводство организованной преступности заметно влияет снижение эффективности и качества деятельности правоохранительных органов. Особо отрицательные последствия связаны с недостатками их реагирования на преступность. Слабое или полностью отсутствующее реагирование на преступность повышает уровень латентности организованной преступности, формирует у населения уверенность в безнаказанности преступников, особенно членов организованных преступных формирований, способствует развитию психологии вседозволенности и допустимости правонарушений, укрепляет убеждение в слабости «неработающих» законов, неверие в возможности правоохранительных органов. Это приводит к отрицанию морально-правовых норм, легкому склонению к противоправным поступкам, т.е. к безнормативности поведения. В результате население привыкает и приспосабливается к преступности и даже использует ее в своих целях, как, например, в случае достижения своих личных потребностей с использованием коррупции.

¹⁶ Речь идет о процедурах, фактически аналогичных официальному третейскому и арбитражному разбирательству.

¹⁷ См.: Скобликов П.А. Власть судебная: официальная и теневая // Преступность: стратегия борьбы / под ред. А.И. Долговой. М.: Криминологическая Ассоциация, 1997. С. 155.

Косвенное самодетерминирующее воздействие на организованную преступность оказывает снижение нравственно-психологических характеристик современных сотрудников правоохранительных органов. Их моральные и правовые установки формировались под воздействием расширяющейся криминализации населения, как реальной, с которой они сталкивались в повседневной работе и которая определяла их повышенную нагрузку и снижение уровня безопасности, так и мнимой, проникающей в сознание под воздействием средств массовой информации, навязывающих мысль о всеобщей коррупции и непобедимости криминала¹⁸. Показательно, что подавляющее большинство осужденных — бывших сотрудников правоохранительных органов, совершивших коррупционные преступления, считали совершенное ими деяние весьма распространенным (51%), нередко встречающимся (19,5%) и даже скорее нормой, чем исключением (12,8%), тогда как только 6,4% посчитали свой антиобщественный поступок явлением редким или крайне редким.

Рассмотренные виды прямой и косвенной самодетерминации организованной преступности тесно взаимосвязаны. При этом нельзя говорить об исчерпывающем характере исследования данного феномена, так как будущие исследования могут выявить иные формы самодетерминации организованной преступности. Нарастание же объема знаний об этом явлении будет способствовать изучению его причин и разработке наиболее эффективных подходов к противодействию организованной преступности.

¹⁸ Королева М.В. К вопросу о правосознании сотрудников правоохранительных органов // Актуальные проблемы правосознания в современной России: сборник научных трудов. Часть II / под ред. Г.Х. Ефремовой. М., 2005. С. 44.

Литература

1. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореферат диссертации доктора юридических наук / В.В. Астанин. Москва, 2009. 37 с.
2. Боровских Р.Н. Организованная преступность в страховой деятельности / Р.Н. Боровских // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / ответственный редактор А.И. Долгова. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 33–34.
3. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность: монография / А.И. Долгова. Москва: Российская криминологическая ассоциация, 2011. 667 с.
4. Зорников Д.В. К вопросу о предупреждении «силового предпринимательства» в малом предпринимательстве / Д.В. Зорников // Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 18–20 апреля 2002 года): сборник научных статей / председатель редакционной коллегии В.И. Попов. Москва, 2003. Вып. 2. С. 266–268.
5. Королева М.В. Влияние преступности на криминализацию общества / М.В. Королева // Конституционное развитие России: проблемы теории и практики: материалы научно-практической конференции (г. Рязань, 9 декабря 2011 г.): сборник научных статей / редактор М.А. Некрасов. Рязань: Рязанский филиал Московского ун-та МВД России, 2011. С. 26–27.
6. Королева М.В. К вопросу о правосознании сотрудников правоохранительных органов / М.В. Королева // Актуальные проблемы правосознания в современной России: сборник научных трудов / под редакцией Г.Х. Ефремовой. Москва: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2005. Ч. 2. С. 40–49.
7. Королева М.В. Оценка современной криминальной ситуации в России / М.В. Королева // Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права: сборник научных статей / редакционная коллегия: И.М. Мацкевич [и др.]. Москва: Проспект, 2016. 222 с.
8. Королева М.В. Роль коррупции в криминализации правоохранительной деятельности / М.В. Королева // Уголовное право. 2007. № 1. С. 106–109.
9. Криминология: учебник для студентов вузов / под редакцией А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2010. 1007 с.

10. Криминология : учебник / под редакцией В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. Москва : Юрист, 1997. 512 с.
11. Макаров В.В. Самодетерминация преступности : монография / В.В. Макаров ; под редакцией Г.Ю. Лесникова. Москва : Юрлитинформ, 2015. 141 с.
12. Пенитенциарная криминология : учебник / Ю.И. Калинин [и др.] ; под редакцией Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань : Академия ФСИН России, 2009. 566 с.
13. Скобляков П.А. Власть судебная: официальная и теневая // Преступность: стратегия борьбы / под редакцией А.И. Долговой. Москва : Криминологическая Ассоциация, 1997. С. 155–163.

References

1. Astanin V.V. Antikorruptsionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty` : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [The Russian Anti-Corruption Policy: Criminological Aspects : author's abstract of thesis of LL.D.] / V.V. Astanin. Moskva – Moscow, 2009. 37 s.
2. Borovskikh R.N. Organizovannaya prestupnost v strakhovoy deyatel'nosti [Organized Crime in Insurance] / R.N. Borovskikh // Sovershenstvovanie borby` s organizovannoy prestupnostyu, korruptsiei i ekstremizmom / otvetstvenny`y redaktor A.I. Dolgova. Moskva : Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya – Improvement of Combating of Organized Crime, Corruption and Extremism / publishing editor A.I. Dolgova. Moscow : Russian Criminological Association, 2008. S. 33–34.
3. Dolgova A.I. Kriminologicheskie otsenki organizovannoy prestupnosti i korruptsii, pravovy`e batalii i natsionalnaya bezopasnost : monografiya [Criminological Assessments of Organized Crime and Corruption, Legal Battles and National Security : monograph] / A.I. Dolgova. Moskva : Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya – Moscow : Russian Criminological Association, 2011. 667 s.
4. Zornikov D.V. K voprosu o preduprezhdenii «silovogo predprinimatel'stva» v malom predprinimatel'stve [On the Prevention of Force Entrepreneurship in Small Entrepreneurship] / D.V. Zornikov // Problemy` sotsialnoy i kriminologicheskoy profilaktiki prestupleniy v sovremennoy Rossii : materialy` Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Moskva, 18–20 aprelya 2002 goda) : sbornik nauchny`kh statey / predsedatel redaktsionnoy kollegii V.I. Popov. Moskva, 2003. Vy`p. 2 – Issues of Social and Criminological Prevention of Crimes in Modern Russia : files of an all-Russian scientific and practical conference (Moscow, April 18 to 20, 2002) : collection of scientific articles / chairman of the editorial board V.I. Popov. Moscow, 2003. Issue 2. S. 266–268.
5. Koroleva M.V. Vliyanie prestupnosti na kriminalizatsiyu obshchestva [The Influence of Crime on the Criminalization of the Society] / M.V. Koroleva // Konstitutsionnoe razvitie Rossii: problemy` teorii i praktiki : materialy` nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ryazan, 9 dekabrya 2011 g.) : sbornik nauchny`kh statey / redaktor M.A. Nekrasov. Ryazan : Ryazanskiy filial Moskovskogo un-ta MVD Rossii – Constitutional Development of Russia: Issues of the Theory and Practice : files of a scientific and practical conference (Ryazan, December 9, 2011) : collection of scientific articles / editor M.A. Nekrasov. Ryazan : Ryazan Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. S. 26–27.
6. Koroleva M.V. K voprosu o pravosoznanii sotrudnikov pravookhranitelny`kh organov [On Legal Consciousness of Employees of Law Enforcement Authorities] / M.V. Koroleva // Aktualny`e problemy` pravosoznaniya v sovremennoy Rossii : sbornik nauchny`kh trudov / pod redaktsiei G.Kh. Efremovoy. Moskva : NII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka pri General'noy prokurature RF, 2005. Ch. 2 – Relevant Issues of Legal Consciousness in Modern Russia : collection of scientific works / edited by G.Kh. Efremova. Moscow : Research Institute for Consolidation of Legality and Law and Order Under the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2005. Part 2. S. 40–49.
7. Koroleva M.V. Otsenka sovremennoy kriminalnoy situatsii v Rossii [The Evaluation of the Present-Day Criminological Situation in Russia] / M.V. Koroleva // Aktualny`e problemy` kriminologii, yuridicheskoy psikhologii i ugovovno-ispolnitelnogo prava : sbornik nauchny`kh statey / redaktsionnaya kollegiya : I.M. Matskevich [i dr.]. Moskva : Prospekt – Relevant Issues of Criminology, Legal Psychology and Penal Law : collection of scientific articles / editorial board : I.M. Matskevich [et al.]. Moscow : Prospect, 2016. 222 s.
8. Koroleva M.V. Rol korruptsii v kriminalizatsii pravookhranitel'noy deyatel'nosti [The Role of Corruption in the Criminalization of Law Enforcement] / M.V. Koroleva // Ugolovnoe pravo – Criminal Law. 2007. № 1. S. 106–109.
9. Kriminologiya : uchebnik dlya studentov vuzov [Criminology : textbook for students of higher educational institutions] / pod redaktsiei A.I. Dolgovoy. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva : Norma : Infra-M – edited by A.I. Dolgova. 4th edition, revised and enlarged. Moscow : Norm : Infra-M, 2010. 1007 s.
10. Kriminologiya : uchebnik [Criminology : textbook] / pod redaktsiei V.N. Kudryavtseva, V.E. Eminova. Moskva : Yurist – edited by V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. Moscow : Lawyer, 1997. 512 s.
11. Makarov V.V. Samodeterminatsiya prestupnosti : monografiya [The Self-Determination of Crime : monograph] / V.V. Makarov ; pod redaktsiei G.Yu. Lesnikova. Moskva : Yurлитinform – edited by G.Yu. Lesnikov. Moscow : Yurлитinform, 2015. 141 s.
12. Penitentsiarnaya kriminologiya : uchebnik [Penitentiary Criminology : textbook] / Yu.I. Kalinin [i dr.] ; pod redaktsiei Yu.M. Antonyana, A.Ya. Grishko, A.P. Filchenko. Ryazan : Akademiya FSIN Rossii – Yu.I. Kalinin [et al.] ; edited by Yu.M. Antonyan, A.Ya. Grishko, A.P. Filchenko. Ryazan : Academy of the FPS of Russia, 2009. 566 s.
13. Skoblyakov P.A. Vlast sudebnaya: ofitsialnaya i tenevaya [The Judiciary Power: Official and Shadow] // Prestupnost: strategiya borby` / pod redaktsiei A.I. Dolgovoy. Moskva : Kriminologicheskaya Assotsiatsiya – Crime: A Combating Strategy / edited by A.I. Dolgova. Moscow : Criminological Association, 1997. S. 155–163.

Дети улиц: криминологическая характеристика уличной организованной преступности несовершеннолетних

Саламова Себила Якубовна,

доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических наук

sebila@mail.ru

Цель. Автор поставил перед собой цель изучить состояние преступности несовершеннолетних, особенности организованных ее форм, географию распространения уличной преступности несовершеннолетних, отличительные черты личности несовершеннолетнего преступника. **Методология:** основу исследования составил общенаучный диалектический метод познания. В ходе исследования использовались такие методы, как анализ и синтез, статистический метод, метод наблюдения. **Выводы.** На основе проведенного исследования, автор делает вывод о том, что сегодня можно говорить о реально существующей и требующей внимания проблеме криминализации молодежи, в том числе о наивысшей ее форме — объединении несовершеннолетних в молодежные преступные группировки, которые являются основой для будущих взрослых ОПГ, представляющих собой разрушительную силу для страны в целом. **Научная и практическая значимость.** Проведенное в статье исследование дает представление о состоянии преступности несовершеннолетних, раскрывается криминологический портрет несовершеннолетнего преступника, на основе анализа современной преступности несовершеннолетних обосновываются ее связи с организованной преступностью. Работа, на наш взгляд, может быть полезна для широкого круга читателей: студентов, аспирантов, преподавателей и научных работников.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, организованная преступность, личность преступника, уличная преступность, молодежная субкультура.

Уровень молодежной и подростковой преступности в любом обществе остается одним из основных свидетельств глубоких кризисных тенденций в жизни государства.

«Дети улиц» — распространенное название несовершеннолетних преступников, совершающих различного рода преступления в общественных местах, вне пределов жилых помещений, зданий и строений, в том числе на площадях, в парках, скверах. Условия уличной среды — плодотворная почва для общественно опасных деяний молодежи.

«Улице» присущи некоторые криминологически значимые факторы, к которым можно отнести:

- большую концентрацию людей в общественных местах, вызванную высокой плотностью городского населения;
- сфера улицы занимает подавляющую часть пространства города;
- межличностные контакты в целом строятся на анонимности;
- уличная среда подвержена неравномерному, ослабленному контролю со стороны правоохранительных органов.

Особое внимание к уличной преступности несовершеннолетних обуславливается существенным ее влиянием на уклад жизнедеятельности как крупных городов, так и небольших населенных пунктов.

Крайне негативной тенденцией в настоящий момент становится распространение в ряде регионов страны организованной преступности несовершен-

нолетних в форме молодежных группировок, ориентированных на верность «воровским понятиям» и объединяющих молодых людей, решивших вступить на путь криминальной деятельности. Самая известная такая группировка — «АУЕ», которая расшифровывается как «Арестантское уркаганское единство» или «Арестантский уклад един».

В контексте сформировавшейся молодежной субкультуры аббревиатура «АУЕ» прозвучала в 2010 г. во время массовых беспорядков в Белореченской воспитательной колонии в Краснодарском крае, затем субкультура продолжила свое распространение по территории страны — данные о подобных молодежных группировках появились на Урале и в центральных регионах России, таких как Республика Татарстан, Московская, Ульяновская и Тверская области.

Данная группировка распространяется достаточно быстрыми темпами, внедряясь массово в школы, колледжи и интернаты. Участники данного движения придерживаются уголовных понятий, поддерживают и признают авторитетов преступного мира, насильственно навязывают свое мнение сверстникам, проецируя на взаимоотношения с окружающими тюремные поведенческие схемы. Одной из основных форм их деятельности является вымогательство денег у своих сверстников, создание «общаков» для передачи продуктов, сигарет или денег в места лишения свободы.

По данным Генпрокуратуры, у движения АУЕ в России больше 34 тысяч активных приверженцев

в 40 регионах, из которых до 40 процентов — подростки в возрасте 13–17 лет. При этом у АУЕ нет единого руководителя, но есть лидеры («смотрящие») в населенных пунктах. Данное движение также получило распространение на территории стран постсоветского пространства, что придает ему международный статус¹. 17 августа 2020 г. Верховный Суд России постановил признать международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) экстремистской организацией и запретил ее деятельность. Данный запрет позволит более эффективно бороться с распространением преступной идеологии среди несовершеннолетних, даст возможность защитить интересы подрастающего поколения.

Регионами-лидерами по подростковой преступности, по данным МВД, являются Республика Тыва, Карелия, Свердловская область, Волгоградская область, Ростовская область, Брянская область, Чукотка, Коми, Камчатский край, Хабаровский край, Иркутская область, Амурская область, Приморский край². Больше всего страдает от подростковых преступлений Республика Тыва, где почти каждое 10-е раскрытое преступление совершено подростками либо с их участием. За ней следует Карелия (7,2% от общей массы раскрытых). Чуть лучше дела обстоят в Свердловской области, Ненецком АО и Забайкальском крае³.

По данным прокуратуры, несовершеннолетние в России ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 тысячах преступлений⁴. В структуре уличной преступности несовершеннолетних преобладают корыстно-насильственные и корыстные деяния. Около 83 процентов несовершеннолетних в 2019 г. совершили преступления против собственности, 8 процентов — против жизни и здоровья и более 4 процентов — это преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Организованная преступность несовершеннолетних сегодня не пережиток «лихих девяностых», а реальная разрушительная сила, в перспективе ставящая под угрозу будущее целой страны — благополучие подрастающего поколения.

Основным критерием отграничения молодежной организованной преступности от преступлений, совершенных организованными группировками взрослых, является возраст — причина нестабильности поведения и лабильности психики. Возникновение негативного восприятия в процессе адаптации к окружающему миру становится в дальнейшем основой формирования группировок, которые изна-

чайно могут иметь исключительно спортивную или иную досуговую направленность, лишь со временем перерастающую в криминальную.

Такое направление социализации является следствием действия многих факторов, которые можно условно разделить на внешние и внутренние. К внешним следует отнести все его окружение: семья, образовательный и трудовой коллективы, а также неформальную группу друзей, в среде которых проводит досуг, и т.п. К внутренним факторам следует отнести те особенности психического развития, которые может испытывать на себе в процессе взросления молодой человек.

Излишняя критичность, граничащая с пренебрежением по отношению к взрослым, еще недавно бывшим для них авторитетом, обусловлена тем, что молодой человек настороженно встречает действия родителей, педагогов и других лиц, которые, как ему кажется, ограничивают его самостоятельность и к тому же зачастую отказываются видеть в молодежи равных себе полноправных членов общества, способных нести ответственность. И в этом случае молодые люди начинают искать авторитет «на стороне», зачастую в лице сверстников.

Учитывая всю вышеуказанную специфику факторов возникновения молодежной организованной преступности, можно сделать вывод о том, что данное социальное образование по своей сути отличается от преступных сообществ.

Первой особенностью молодежных преступных группировок является наличие у них своей идеологии, набора ценностных суждений, которым предлагается следовать всем членам группы и которые выражают интересы молодых людей, входящих в ее состав. Стремление к идеологической привлекательности налагает свой отпечаток на преступную деятельность рассматриваемых группировок. Любое свое преступление они пытаются представить как социально полезные действия, совершенные в нарушение закона лишь потому, что закон не отвечает требованиям справедливости, а государство не может удовлетворить законных требований своих граждан.

Второй особенностью молодежных организованных преступных группировок являются причины, по которым молодежь объединяется в преступные группировки. Основная причина кроется, безусловно, в особенностях психологического развития. Получение материальных благ в результате преступной деятельности далеко не всегда является основой противоправных деяний. Это коренным образом отличает их от прочих организованных группировок, основой объединения которых является экономический интерес.

В-третьих, детские преступные группировки отличаются высокой степенью организованности и сплочения, что продиктовано такой особенностью подростковой психики, как повышенная внушаемость по отношению к взрослым и авторитетам в подростковой среде и неприятие лиц, пытающихся

¹ URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/aue/> (дата обращения: 25.08.2020).

² URL: <https://www.kp.ru/online/news/3757182/> (дата обращения: 25.08.2020).

³ URL: <https://iz.ru/973193/ivan-petrov-ivan-nosatov/melkaia-ugolovshchina-deti-i-podrostki-sovshaiut-vse-bolshe-tiazhkikh-prestuplenii> (дата обращения: 04.09.2020).

⁴ URL: <https://rg.ru/2020/04/20/genprokuratura-soobshchila-o-roste-podrostkovoj-prestupnosti-v-strane.html> (дата обращения: 05.09.2020).

оказать педагогическое воздействие. Отдельные молодые люди, желая быть старше, «примеривают» на себя взрослые формы поведения и выбирают в качестве идеалов именно девиантные формы поведения. Авторитетами становятся те из них, которые уже восприняли элементы криминальной субкультуры и определились в том, что стиль их поведения должен носить антисоциальный характер. Особенностью отношения к подобным авторитетам является стремление молодежи к максимализму: «Либо все, либо ничего». Такая категоричность не допускает «золотой середины», которая позволила бы объективно оценить личность авторитета и его действия. Именно поэтому молодые люди стремятся не только подражать авторитетам, но и беспрекословно следовать их указаниям, что становится основой поддержания жесткой иерархии внутри группировок.

Четвертая отличительная черта связана с развитием молодежных организованных преступных группировок. Являясь своеобразной «школой» для представителей преступного сообщества, такие группировки взрослеют вместе с молодежью и приобретают устойчивую криминальную направленность. «Юношеский максимализм» и романтика уходят на второй план, уступая первенство меркантильным потребностям, происходит перерождение в качественно иные группировки взрослых. Так, лидеры группировок стремятся скрыть материальный мотив деятельности, поддерживая идеалы «идейности» и бескорыстия, что позволяет привлекать в группировки новых членов.

В-пятых, члены молодежных организованных группировок занимают позицию непримиримости по отношению ко всем социальным институтам и их представителям, считая, что от них всегда исходит опасность. Такое восприятие социального мира порождает особую жестокость, с которой молодежные группировки совершают преступления.

Помимо психологических факторов, влияющих на формирование названных особенностей молодежной организованной преступности, имеются и иные факторы, среди которых следует выделить социально-экономические условия, способствующие ее существованию. К примеру, недостаток финансирования учебных и воспитательных учреждений блокирует пути адаптации. Отвержение прежних идеалов без предоставления равнозначной инициативы образует идеологический вакуум, который является непосредственной причиной развития правового нигилизма несовершеннолетних.

Вышеуказанные особенности позволяют дать определение молодежной организованной преступности. Это вид преступности, состоящий из совокупности преступлений, совершаемых лицами, которые в силу индивидуальных особенностей протекания возрастных процессов не восприняли должным образом социальных норм, регулирующих общественно полезное поведение, объединились в устойчивые, иерархизированные, планомерно действующие преступные группировки, основной целью которых яв-

ляется асоциальная, в том числе преступная, деятельность, направленная на удовлетворение разнообразных потребностей их членов.

Особую значимость представляет исследование личности несовершеннолетнего уличного преступника, поскольку оно позволяет выявить специфические черты, в совокупности образующие портрет правонарушителя в сфере улицы, что в конечном итоге определяет вектор развития профилактики уличной преступности несовершеннолетних.

Определяющим критерием при рассмотрении личности уличного несовершеннолетнего преступника является возраст, с которым напрямую связаны биологические и психологические изменения. В рамках исследования возрастной период целесообразно разграничить на две группы: 14–15 и 16–17 лет. Удельный вес преступлений, совершенных 14–15-летними в 2017 г., составил 35,1% в общей структуре преступности несовершеннолетних, в то же время удельный вес 16–17-летних преступников составил 64,9%. В группе 14–15-летних преобладает доля лиц, которые совершили кражу, грабеж, причинение вреда средней тяжести. Среди 16–17-летних — выше доля лиц, совершивших убийство, изнасилование, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения.

Около 20% всех грабежей и разбоев совершается несовершеннолетними в возрасте 18–25 лет. Кражи личного имущества совершаются в основном «младшей» молодежью (14–20 лет — около 50%).

Среди правонарушителей преобладают лица мужского пола (около 90%), что объясняется психологическими особенностями, различием моделей воспитания и поведения мальчиков и девочек. Вместе с тем в последние годы наблюдается тенденция роста количества преступлений, которые совершают подростки женского пола, что напрямую связано с увеличением числа подростков женского пола, ведущих аморальный образ жизни (проституция, регулярное употребление спиртных напитков).

Изучение уличных преступников по территориальной распространенности показывает, что доля городских жителей среди них составляет около 75%, а жителей сельской местности — 25%. Это объясняется высокой плотностью городского населения, скоплением большого количества потенциальных жертв уличного преступления в общественных местах, а также ослаблением контроля со стороны государства. Значительную роль играет и то, что в сельской местности люди находятся в тесном контакте.

Говоря об уровне образования несовершеннолетних преступников, надо заметить, что данные подростки характеризуются низким уровнем интеллектуального развития, правосознания и правовой культуры. Среди них часто встречаются второгодники, бросившие учебу в школах, ПТУ и других учебных заведениях. Более 30% несовершеннолетних, совершивших преступления, нигде не учились

и не работали. При этом наблюдается тенденция роста числа не работающих и не учащихся уличных преступников.

Особое значение имеет изучение механизмов влияния окружающей обстановки (семья, школа, трудовой коллектив, друзья, учреждения культуры и досуга) на формирование личности.

Исследования показывают, что более 2/3 несовершеннолетних преступников воспитывались в неполных и неблагополучных семьях, где нормальным явлением считались бытовые конфликты, сопровождающиеся взаимными оскорблениями, употреблением алкоголя и наркотиков, насилием. Все это оказывает прямое влияние на зарождение уже с детства криминальных наклонностей.

Социальная деформация личности несовершеннолетнего преступника выражается в первую очередь в эмоциональных особенностях, присущих подросткам в силу их возраста: эмоциональная возбудимость, конфликтность, несдержанность, зачастую агрессивность поведения, озлобленность и отсутствие сострадания по отношению к другим.

Следует отметить, что для несовершеннолетних, совершивших уличные преступления, характерны низкая успеваемость, отсутствие интереса к учебе или работе, недобросовестное отношением к своим обязанностям.

Более значимой сферой для таких подростков является досуговая, где наибольшее распространение получает занятие спортом. Подавляющее большинство отдает предпочтение бесцельному времяпровождению в кругу сверстников, включающему рас-

питие спиртных напитков и посещение увеселительных заведений.

Преступления совершаются, как правило, в группе (около 75%), в которой состоят и взрослые преступники. Причем самый высокий удельный вес групповой преступности у 14-летних, самый низкий — у 17-летних несовершеннолетних. Примечательно, что доля групповых преступлений несовершеннолетних в 1,5–2 раза выше аналогичного показателя взрослой преступности. Групповой характер носит в том числе и уличное хулиганство. Такие преступления учиняются несовершеннолетними чаще всего в драках, происходящих вследствие групповой конфликтности или из-за алкогольного опьянения.

В настоящее время можно говорить о реально существующей и требующей внимания проблеме криминализации молодежи, в том числе о наивысшей ее форме — объединении несовершеннолетних в молодежные преступные группировки, которые являются основой для будущих взрослых ОПГ, представляющих собой разрушительную силу для страны в целом.

Тревожным фактором выступает увеличение количества рецидивных преступлений, совершаемых малолетними преступниками, что связано с утверждением представлений о безнаказанности среди подростков и молодых людей, а также об осознанном стремлении некоторых из них совершать преступления и делать карьеру в криминальном мире — за неимением иной социально-позитивной альтернативы.

Дорогой читатель!

Мы издаем научные журналы уже более 25 лет для нашего общего вклада в развитие российской юридической науки, формирования правовой мысли и обмена практическим опытом. Мы благодарим Вас за интерес к журналам и хотим сохранить наше сотрудничество. Для Вашего удобства часть архивных номеров наших журналов представлены в открытом доступе на сайте www.lawinfo.ru и на сайте наших партнеров. Для Вашей экономии мы разработали предложения о долгосрочной подписке!

- При оформлении годовой подписки на любой журнал на 2021 год скидка составит 25 %.
- При оформлении подписки на второе полугодие 2020 года + годовой подписке на 2021 год скидка составит 35 % на любой журнал по Вашему выбору.

*Мы вместе с Вами
в любой ситуации!*

 юрист
издательская
группа

О понятии и криминологических показателях неосторожной преступности при оказании медицинской помощи

Габай Полина Георгиевна,

соискатель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Lab.kcriminolog@msal.ru

Цель. Изучить с криминологических позиций показатели неосторожной преступности при оказании медицинской помощи. **Методология:** включает в себя следующие методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, анализа и прогнозирования. **Выводы.** 1. Элементы бытовой неосторожности в здравоохранении можно выделить лишь условно и только в сфере отношений, находящихся в рамках личностных отношений между медицинским персоналом и пациентами. 2. Структура преступности в сфере здравоохранения включает в себя три группы преступлений: профессиональные преступления сотрудников сферы здравоохранения; должностные преступления сотрудников исследуемой сферы; преступления, ответственность за которые наступает для данных субъектов наряду с другими лицами. **Научная и практическая значимость.** Выводы, представленные в статье, направлены на повышение эффективности противодействия неосторожной преступности в сфере здравоохранения при оказании медицинской помощи.

Ключевые слова: неосторожная преступность, здравоохранение, показатели, медицинская помощь, лечебная медицина.

В современный период одной из актуальных является проблема неосторожной преступности в сфере здравоохранения при оказании медицинской помощи.

Определение понятия неосторожной преступности приводится в научной литературе, и каких-либо дискуссий по их содержанию, как правило, не возникает. Сущность данных определений на протяжении многих десятилетий неизменно сводится к тому, что под неосторожной преступностью следует понимать отдельный вид преступности, выделяемый на основе характеристики субъективной стороны составляющих его преступлений, а именно неосторожной формы вины субъекта¹. В связи с этим структура неосторожной преступности включает в себя все преступления, совершенные по неосторожности (легкомыслию или небрежности).

По справедливому мнению Ю.М. Антоняна, в основе неосторожного преступления всегда лежит ошибка человека, его неподготовленность, безответственность, самонадеянность, пренебрежительное отношение к нормам и стандартам, прежде всего техническим, невнимательность, легкомыслие, его желание сделать так, как ему выгодно и удобно, его неспособность предвидеть последствия или пренебрегать ими².

В зависимости от того, в какой сфере совершаются те или иные деяния, неосторожная преступность может

быть следствием бытовой неосторожности, технической неосторожности, профессиональной неосторожности, должностной неосторожности³.

В связи с тем что здравоохранение в современных условиях рассматривается как отрасль социально-экономической деятельности, контролируемой государством, основная цель которой заключается в обеспечении общедоступной квалифицированной медицинской помощи населению, то совершаемые в ней неосторожные преступления являются следствием профессиональной и должностной неосторожности, так как возникающие в сфере здравоохранения общественные отношения регламентированы специальными законодательными и подзаконными актами, возлагающими профессиональные и должностные обязанности на медицинских работников.

Элементы бытовой неосторожности в здравоохранении можно выделить лишь условно и только в сфере отношений, находящихся в рамках личностных отношений между медицинским персоналом и пациентами.

Техническая неосторожность в сфере здравоохранения, с нашей точки зрения, также исключается, так как использование любых технических устройств в данной сфере предполагает четкое соблюдение определенных инструкций медицинским персоналом, что переводит данную неосторожность в разряд профессиональной, и наряду с другими признаками это должно учитываться при разработке понятия неосторожной преступности в сфере здравоохранения.

В диссертационной работе А.П. Соловьева под преступностью в сфере здравоохранения предлагается понимать совокупность преступлений, посягающих на общественные отношения в области реализации прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь⁴.

¹ См., напр.: Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М.: Юридическая литература, 1977. С. 6; Квашис В.Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. С. 10–12; Пономарев П.Г. Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2006. С. 456–457; Лунеев В.В. Криминология: учебник. М.: Юрайт, 2010. С. 452–454; Минаев А.В., Дубровский О.Н. Криминология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2013. С. 402–405 и др.

² Антонян Ю.М. Проблемы неосторожности преступности // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 7.

³ Алауханов Е. Криминология: учебник. Алматы, 2008. С. 386–387; Степанчикова С.А. Криминология: учебно-методический комплекс. М.: МИЭМП, 2010. С. 210–212.

⁴ Соловьев А.П. Предупреждение преступлений в сфере здравоохранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8–9.

Структура преступности в сфере здравоохранения, по мнению названного автора, включает в себя три группы преступлений: профессиональные преступления сотрудников сферы здравоохранения; должностные преступления сотрудников исследуемой сферы; преступления, ответственность за которые наступает для данных субъектов наряду с другими лицами.

Прежде чем давать оценку приведенному определению понятия преступности в сфере здравоохранения и классификации входящих в ее структуру преступлений, нам представляется необходимым рассмотреть определения смежных видов преступности, разработанных другими авторами, и предложенные ими классификации соответствующих преступлений.

В диссертации Е.В. Червонных преступления в сфере здравоохранения делятся на четыре группы: преступления в сфере лечебной и эстетической медицины; умышленные преступления медицинских работников, использующих свои профессиональные навыки и знания в качестве способа их совершения; должностные преступления медицинских работников; иные преступления медицинских работников⁵.

Детальное изучение составов преступлений, входящих в каждую выделенную группу, показало, что к неосторожной преступности можно отнести все преступления первой группы, так как названный автор в их числе выделил такие, как причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда по неосторожности (ст. 118 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (ч. 4 ст. 122 УК РФ), неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ). Вместе с тем мы полагаем, что халатность (ст. 293 УК РФ), совершенная медицинским работником, в зависимости от обстоятельств может относиться к преступлениям как первой, так и третьей группы (должностные преступления). Связано это с тем, что халатность в сфере здравоохранения всегда связана с недобросовестным выполнением либо небрежным отношением к своим должностным обязанностям, но не всегда связана с лечебной или эстетической медициной. Так, например, халатное отношение к своим обязанностям лица, ответственного за противопожарную безопасность в процедурном кабинете, приведшее к пожару, потере ценного медицинского оборудования и нанесению крупного ущерба медицинской организации, относится к служебным преступлениям, но не имеет никакого отношения к преступлениям в сфере лечебной и эстетической медицины.

Как видно, все перечисленные преступления, относящиеся, по мнению Е.В. Червонных, к преступлениям в сфере лечебной и эстетической медицины, характеризуются неосторожной формой вины. Поэтому сформулированное ею определение понятия данной группы преступлений представляет интерес для темы нашего исследования.

По мнению Е.В. Червонных, преступления в сфере лечебной и эстетической медицины — это запрещенные уголовным законом и подрывающие авторитет здравоохранения деяния, совершенные в ходе оказания лечеб-

ной помощи пациенту либо проведения эстетической операции вследствие нарушения профессиональных обязанностей врачом и (или) иным медицинским работником, причинившим по неосторожности вред охраняемым законом правам, интересам и благам отдельных граждан⁶.

Тем не менее, по нашему мнению, дефиниция «преступления в сфере лечебной и эстетической медицины» не вполне соответствует современному отечественному законодательству. Так, в частности, она не учитывает то, что современная медицина не ограничивается лишь лечебными и эстетическими целями. В частности, такое определение безосновательно исключает диагностическую и профилактическую медицину, преступления, связанные с искусственным прерыванием беременности, преступления, связанные с проведением медицинских осмотров и медицинских экспертиз, равно как и другие аспекты медицины, которые невозможно отнести к лечебной или эстетической.

Учитывая указанное выше, мы полагаем необходимым при классификации преступлений в сфере здравоохранения руководствоваться терминологией Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который оперирует такими терминами, как «медицинская деятельность», «медицинская помощь», «медицинская услуга», «медицинское вмешательство».

С учетом изложенного оптимальной нам представляется следующая собственная классификация неосторожной преступности в сфере здравоохранения:

1) профессиональные преступления, связанные с оказанием медицинской помощи (то есть с медицинскими вмешательствами, имеющими профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность, а также с искусственным прерыванием беременности);

2) профессиональные преступления, не связанные с оказанием медицинской помощи (в эту категорию входят преступления, связанные с профессиональной медицинской деятельностью, не являющейся медицинской помощью, — проведением медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональной деятельностью, связанной с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях);

3) должностные преступления работников в сфере здравоохранения (в данную категорию попадает только халатность, так как другие преступления этой группы, совершаемые в сфере здравоохранения, характеризуются умышленной формой вины).

Таким образом, анализ представленных классификаций преступлений в сфере здравоохранения позволяет выделить всего пять статей уголовного законодательства, которые устанавливают ответственность за неосторожные преступления в данной сфере: ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 124 и 293 УК РФ.

Однако также стоит отметить состав преступления, предусмотренный ст. 238 УК РФ. Несмотря на то что он характеризуется умышленной формой вины (ч. 1 ст. 238), в квалифицированных составах (ч. 2 и 3) статья 238 УК имеет двойную форму вины и тесно свя-

⁵ Червонных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 8–9, 14–15; Варьгин А.Н., Червонных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 62–70.

⁶ Там же.

зана с неосторожным причинением вреда здоровью и жизни людей при ненадлежащем оказании медицинской помощи. Вероятно, одной из причин сравнительно частого вменения медицинским работникам составов преступлений, предусмотренных ч. 2 и ч. 3 ст. 238 УК РФ, является более длительный срок давности привлечения к уголовной ответственности (десять лет по ч. 2 или 3 статьи 238 УК РФ), в то время как такой срок, например, по ч. 2 ст. 109 УК РФ составляет всего два года. Кроме того, возбуждение уголовных дел в отношении медицинских работников по ст. 238 УК нередко обусловлено наличием ошибок квалификации, когда неосторожные действия сотрудников сферы здравоохранения вместо статей 109 и 118 УК ошибочно квалифицируются по статье 238 УК РФ. Результатом этой ошибки становится то, что вместо неосторожного преступления небольшой или средней тяжести обвиняемому вменяется тяжкое преступление со смешанной формой вины. Указанное самым непосредственным образом влияет на криминологическую картину преступности в сфере здравоохранения и даже может исказить ее.

В связи с этим мы усматриваем необходимость подвергнуть анализу разработанные в теории криминологии определения преступлений медицинских работников против жизни и здоровья.

По мнению В.В. Татаркина, преступления медицинских работников против жизни и здоровья — это общественно опасные, уголовно-противоправные деяния, совершаемые умышленно или по неосторожности медицинскими работниками при исполнении своих профессиональных обязанностей и (или) вопреки своему профессиональному долгу, которые влекут за собой причинение вреда здоровью или смерть пациента или создают опасность наступления этих последствий⁷.

В данном определении отражен такой немаловажный альтернативный признак рассматриваемых преступлений, как создание опасности для жизни и здоровья пациента, но он распространяется только на умышленные преступления, так как при неосторожных преступлениях ненаступление последствий исключают преступность деяний.

Механизм всех отмеченных неосторожных преступлений в сфере здравоохранения связан с причинением смерти или вреда здоровью человека в результате ненадлежащего исполнения своих профессиональных или должностных обязанностей по оказанию медицинской помощи. В связи с этим для определения понятия неосторожной преступности в сфере здравоохранения следует учитывать определение ятрогенных преступлений, разработанное в диссертации И.О. Никитиной, посвященной преступлениям в сфере здравоохранения. Данным термином она обозначила преступления медицинских работников, связанные с оказанием медицинской помощи.

По нашему мнению, определение неосторожной преступности в сфере здравоохранения при оказании медицинской помощи следует сформулировать, как совокупность неосторожных преступлений, совершенных медицинскими работниками в нарушение своих профессиональных обязанностей и повлекших причинение

(или создание реальной опасности причинения) смерти или существенного вреда здоровью отдельным гражданам.

Кроме того, в статье отметим, что традиционно в большинстве криминологических исследований анализ основных показателей преступности принято начинать с исследования количественных показателей, а именно такого показателя, как состояние преступности, определяемого общим количеством совершенных преступлений и лиц, их совершивших.

Отметим, что в отчетах Главного информационно-аналитического центра МВД России⁸ неосторожные преступления, совершенные в сфере здравоохранения, отдельно не выделяются. Статистический учет неосторожных преступлений очень сложен, поскольку они предусмотрены различными разделами уголовного закона и включены в рамки разных групп преступлений⁹.

Получить точные сведения об удельном весе рассматриваемых преступлений, к сожалению, не представляется возможным, так как их отдельный учет не ведется. В связи с этим мы подвергли анализу количественные сведения о квалификации преступлений, изученных нами по материалам отобранных для изучения уголовных дел, результаты которого позволили получить примерные сведения об удельном весе преступлений, входящих в структуру неосторожной преступности в сфере здравоохранения.

В структуре рассматриваемой преступности доминируют такие преступления, как причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ) и неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ). Из общей массы изученных по материалам уголовных дел неосторожных преступлений, совершенных в сфере здравоохранения, по ст. 109 УК РФ получили квалификацию 36% преступлений, по ст. 118 УК РФ — 58% преступлений и по ст. 124 УК РФ — 5% преступлений. Таким образом, данными преступлениями определяется характер рассматриваемой преступности, и на них мы сосредоточим основное внимание.

Примерные сведения об удельном весе остальных преступлений в структуре неосторожной преступности в сфере здравоохранения показывают, что в своей совокупности они не превышают 1% от общей массы неосторожных преступлений, совершаемых в сфере здравоохранения.

Как уже говорилось, в последние годы прослеживается выраженная тенденция более частого преследования медицинских работников по статье 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности). Об этом случаи перекалфикации дел с ч. 2 ст. 109 УК РФ на ч. 2 ст. 238 УК РФ. Часть 1 ст. 238 УК РФ и вовсе имеет формальный состав, что облегчает следственным органам сбор доказательной базы.

Однако стоит отметить и недопустимое игнорирование судами и органами предварительного расследования диспозиции данной статьи, предполагающей вину в форме прямого умысла по отношению к деянию (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности). В материалах следствия по делам по ст. 238 УК РФ нередко встречается квалификация вины в форме косвенного, а не прямого умысла, а даже точнее — неправильное толкование косвенного умысла и его фак-

⁷ Татаркин В.В. Преступления медицинских работников против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 7.

⁸ Далее — ГИАЦ МВД.

⁹ Антонян Ю.М. Проблемы неосторожной преступности. С. 5.

тическое отождествление с неумышленной формой вины. Умышленное оказание небезопасных медицинских услуг не характерно для профессии врача в целом. На неточности и ошибки следствия в квалификации субъективной стороны данного состава преступления неоднократно обращалось внимание во время судебных процессов (например, апелляционное постановление Московского городского суда от 16 мая 2016 г. по делу № 10-7091/2016¹⁰ — по так называемому «делу Мисюриной», Апелляционное определение Омского област-

ного суда от 11 мая 2017 г. по делу №22-1330/2017¹¹ — определение по так называемому «делу Новосельцевой» и т.д.). Тем не менее последние годы данная статья стала пользоваться активным спросом у следственных органов, что можно считать дефектом следственной и правоприменительной практики.

Таким образом, очевидно, что исследование неосторожной преступности при оказании медицинской помощи в современный период особенно важно, что позволит выработать эффективные меры ее предупреждения.

¹⁰ Апелляционное постановление Московского городского суда от 16 мая 2016 г. по делу № 10-7091/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное определение Омского областного суда от 11 мая 2017 г. по делу № 22-1330/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Алауханов Е. Криминология : учебник / Е. Алауханов. Алматы : Жеті жарғы, 2008. 429 с.
2. Антонян Ю.М. Проблемы неосторожности преступности / Ю.М. Антонян // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 4–9.
3. Варыгин А.Н. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждения : монография / А.Н. Варыгин, Е.В. Червонных. Москва : Юрлитинформ, 2013. 198 с.
4. Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы / П.С. Дагель. Москва : Юридическая литература, 1977. 143 с.
5. Квашис В.Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы / В.Е. Квашис. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1986. 189 с.
6. Лунеев В.В. Криминология : учебник для бакалавров / В.В. Лунеев. Москва : Юрайт, 2013. 686 с.
7. Минаев А.В. Криминология : учебник / А.В. Минаев, О.Н. Дубровский. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Волтерс Клувер, 2013.
8. Пономарев П.Г. Криминология : учебник / А.Ф. Агапов, П.Г. Пономарев [и др.] ; под редакцией В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстицинформ, 2006. 524 с.
9. Соловьев А.П. Предупреждение преступлений в сфере здравоохранения : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.П. Соловьев. Москва, 2007. 31 с.
10. Степанчикова С.А. Криминология : учебно-методический комплекс / С.А. Степанчикова. Москва : МИЭМП, 2010. 190 с.
11. Татаркин В.В. Преступления медицинских работников против жизни и здоровья : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.В. Татаркин. Ростов-на-Дону, 2007. 27 с.
12. Червонных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Червонных. Саратов, 2009. 22 с.

References

1. Alaukhanov E. Kriminologiya : uchebnik [Criminology : textbook] / E. Alaukhanov. Almaty : Жеті жарғы — Almaty : Жеті жарғы, 2008. 429 s.
2. Antonyan Yu.M. Problemy` neostorozhnosti prestupnosti [Issues of Criminal Negligence] / Yu.M. Antonyan // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 1. S. 4–9.
3. Varygin A.N. Prestupleniya, sovershaemy`e v sfere zdravookhraneniya, i ikh preduprezhdeniya : monografiya [Crimes in Healthcare and the Prevention Thereof : monograph] / A.N. Varygin, E.V. Chervonnykh. Moskva : Yurлитinform — Moscow : Yurлитinform, 2013. 198 s.
4. Dageľ P.S. Neostorozhnost. Ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie problemy` [Negligence. Criminal Law and Criminological Issues] / P.S. Dageľ. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1977. 143 s.
5. Kvashis V.E. Prestupnaya neostorozhnost. Sotsialno-pravovy`e i kriminologicheskie problemy` [Criminal Negligence. Sociological and Criminological Issues] / V.E. Kvashis. Vladivostok : Izd-vo Dalnevostochnogo un-ta — Vladivostok : Publishing house of the Far Eastern University, 1986. 189 s.
6. Luneev V.V. Kriminologiya : uchebnik dlya bakalavrov [Criminology : textbook for bachelors] / V.V. Luneev. Moskva : Yurayt — Moscow : Yurayt, 2013. 686 s.
7. Minaev A.V. Kriminologiya : uchebnik [Criminology : textbook] / A.V. Minaev, O.N. Dubrovskiy. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Wolters Kluwer — 2nd edition, revised and enlarged. Moscow : Wolters Kluwer, 2013.
8. Ponomarev P.G. Kriminologiya : uchebnik [Criminology : textbook] / A.F. Agapov, P.G. Ponomarev [i dr.] ; pod redaktsiyey V.D. Malkova. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Yustitsinform — A.F. Agapov, P.G. Ponomarev [et al.] ; edited by V.D. Malkov. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow : Justice Inform, 2006. 524 s.
9. Solovyev A.P. Preduprezhdenie prestupleniy v sfere zdravookhraneniya : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Prevention of Crimes in Healthcare : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / A.P. Solovyev. Moskva — Moscow, 2007. 31 s.
10. Stepanchikova S.A. Kriminologiya : uchebno-metodicheskij kompleks [Criminology : academic and methodological complex] / S.A. Stepanchikova. Moskva : MIEMP — Moscow : Moscow S.U. Witte University, 2010. 190 s.
11. Tatarkin V.V. Prestupleniya meditsinskikh rabotnikov protiv zhizni i zdorovya : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Crimes Against Life and Health Committed by Healthcare Workers: author's abstract of thesis of PhD (Law)] / V.V. Tatarkin. Rostov-na-Donu — Rostov-on-Don, 2007. 27 s.
12. Chervonnykh E.V. Prestupleniya, sovershaemy`e v sfere zdravookhraneniya, i ikh preduprezhdenie : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Crimes in Healthcare and the Prevention Thereof : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / E.V. Chervonnykh. Saratov — Saratov, 2009. 22 s.

Социально обусловленные потребности реформирования отечественного законодательства в сфере противодействия семейно-бытовому насилию

Атагимова Эльмира Исамудиновна,

старший научный сотрудник Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации, кандидат юридических наук
atagimova75@mail.ru

Цель. Анализ отечественного законодательства и результатов исследований по вопросам противодействия внутрисемейному насилию; формирование предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм об ответственности за насилие в семье. **Методология:** в ходе исследования применялись общенаучный, системно-правовой и сравнительно-правовой методы, метод синтеза, что обеспечивает обоснованность полученных выводов. **Выводы.** На основе предпринятого анализа отечественного законодательства и результатов исследований по вопросам противодействия внутрисемейному насилию автором выявлены пробелы в нормативном регулировании предупредительной деятельности правоохранительных органов, определена целесообразность совершенствования правового регулирования по вопросам противодействия насилию в семейно-бытовой сфере. Обосновано положение о необходимости принятия специального закона, направленного на профилактику внутрисемейного насилия. Представлены конкретные предложения по внесению изменений в уголовное законодательство Российской Федерации. **Научная и практическая значимость.** Сформулированные в настоящем исследовании положения могут быть использованы в законотворческом процессе при дальнейшем совершенствовании отечественного законодательства.

Ключевые слова: законодатель, семья, домашнее насилие, семейно-бытовое насилие, член семьи, жертва насилия, правовое регулирование, специальный закон, преступление, профилактика, противодействие.

Преступное насилие признается одной из острых проблем современного российского общества и неизменно относится к числу наиболее опасных антиобщественных явлений, характеризующихся повышенной, чрезмерной деструктивностью и необратимыми последствиями¹. В структуре насильственной преступности семейно-бытовое насилие занимает значительное место. Прошедшие десятилетия характеризуются усилением внимания государства и общества к проблемам семейного неблагополучия, внутрисемейного насилия, жестокого обращения с детьми, увеличением практики лишения родительских прав и социального сиротства². Масштабность проблемы семейно-бытового насилия актуализировала вопросы обеспечения внутрисемейной защищенности членов семьи. В настоящее время криминальное насилие в семейной сфере признано международным сообществом «эпидемией», широко распространенной во всем мире³.

¹ Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2001. 247 с.

² Рыбаков О.Ю., Ситкова О.Ю. Российская правовая политики в сфере защиты прав детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Саратов, 2009. С. 13–15; Ростова О.С. Семейное воспитание несовершеннолетних — приоритетное направление государственно-правовой политики Российской Федерации // Правовая информатика. 2016. № 3. С. 20–25.

³ Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье: системное криминологическое и уголовно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2018. С. 7.

Анализ исследований, посвященных вопросам противодействия преступности в семейно-бытовой сфере, позволил выделить ряд суждений, заслуживающих, на наш взгляд, внимания и поддержки. В частности, авторы едины во мнении, что проблема насилия в семье — это не только вопрос безопасности отдельной личности вне зависимости от вида применяемого насилия, преступное насилие всегда влечет негативные последствия как для интересов общества, так и для государства⁴. Внутрисемейное насилие, отмечает Ф.А. Меликов, оказывает мощное отрицательное влияние на важнейшие сферы жизнедеятельности государства и общества, тормозит социально-экономические преобразования в стране, подрывает ее авторитет на международной арене. Правонарушения в исследуемой сфере наносят прямой ущерб семье, в каждом конкретном случае ставя под угрозу само ее существование. Негативные последствия этих деяний выходят далеко за пределы семьи. Криминализация семьи порождает не только ее разрушение, но и рост преступности в целом⁵. Внутрисемейная преступность отражает криминаль-

⁴ Шахов В.И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2003. С. 3 ; Потемкина А.Т., Цопнова И.Г. Потребности дифференциации ответственности за различные виды насилия // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 32–35.

⁵ Меликов Ф.А. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия насилию в семье : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 4.

ную патологию общества, считает В.С. Харламов. Усиление криминальности в семейной сфере ведет к ее социальной деградации⁶. Не вызывают возражений и доводы, что криминализация семьи наносит значительный вред духовному и физическому развитию ребенка, оставляет неизгладимый след и на его нравственном развитии⁷, в результате у ребенка и в обществе в целом формируется и культивируется жестокость, и этот стереотип воспроизводится в последующих поколениях⁸.

Анализ научной литературы позволяет поддержать точку зрения авторов, что актуальность проблемы противодействия внутрисемейному насилию определяется также и тем, что многие страны пришли к единому пониманию о необходимости принятия специального законодательства о противодействии семейно-бытовому насилию, закрепляющего компетенцию, методы работы и схему межведомственного взаимодействия субъектов профилактики, комплекс профилактических мер предупреждения насилия в семье, включающих формирование правовой культуры населения страны, выработку социальных программ помощи жертвам семейного насилия, консолидацию усилий всех субъектов профилактики⁹.

Подтверждением актуальности обращения к исследуемой проблеме насилия являются и статистические данные, позволяющие судить о распространенности этого негативного явления в семейной сфере. Согласно статистическим сведениям МВД России в 2018 г. число зарегистрированных преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении члена семьи, составило 33363, из них в отношении женщин — 24478, в отношении несовершеннолетних — 5070¹⁰. При этом необходимо понимать, что семейно-бытовое насилие является весьма латентным преступлением, о реальных масштабах преступлений в сфере семейно-бытовых отношений можно только догадываться.

Несмотря на то что уголовный закон выступает самым мощным средством, с помощью которого государство борется с общественно опасными формами поведения¹¹, представленные статистические данные свидетельствуют о том, что процесс криминализации в сфере семейных правоотношений остается достаточно высоким, соответственно, проблема требует особого внимания со стороны государства и серьезного научного исследования.

В нашей стране до настоящего времени нет специального закона, направленного на защиту жертв семейно-бытового насилия, на профилактику и предупреждение насилия в данной сфере. Вопрос о необходимости принятия такого закона на протяжении последних десятилетий неоднократно поднимался. Но законопроекты, внесенные в Государственную Думу ФС РФ, были сняты с рассмотрения¹². Действующий Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) содержит нормы, направленные на защиту от различных форм преступного насилия (умышленные преступления против жизни, здоровья и половой неприкосновенности граждан), однако специальных норм о защите от семейно-бытового насилия УК РФ не предусматривает, и юридическая квалификация содеянного во многом зависит от точного определения степени тяжести вреда, причиненного человеку. Стоит отметить, что санкции, предусмотренные уголовным законодательством, за различные формы насилия не соотносятся с фактом родственных отношений преступника и жертвы, но в ряде случаев уголовное законодательство рассматривает в качестве отягчающего обстоятельства преступные действия в отношении несовершеннолетнего, лица, заведомо для виновного находящегося в

⁶ Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье: системное криминологическое и уголовно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2018. С. 633.

⁷ Антонян Ю.М. Криминогенное влияние на личность на стадии ранней социализации // *Lex russica*. 2013. № 7 С. 735 ; Антонян Е.А., Баумштейн А.Б. Психологическое насилие в семье как угроза безопасности детей // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2019. Т. 15. № 4. С. 86–89 ; Атагимова Э.И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России // *Правовая информатика*. 2017. № 2. С. 20.

⁸ Научные концепции развития российского законодательства : монография. 7-е изд., доп. и перераб. / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова [и др.] ; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : ИД Юриспруденция, 2015. 544 с.

⁹ Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье: системное криминологическое и уголовно-правовое исследование : дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2019. С. 577 ; Шахов В.И. Насилие в семье: Уголовно-правовое и криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2003. С. 12 ; Меликов Ф.А. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия насилию в семье : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 5 ; Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы / В.А. Абаканова, Е.А. Агеева, О.А. Аксенович [и др.] : кол. монография. СПб. : ЦНИТ «Астерион», 2018. С. 250–256 ; Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 9 (142). С. 130 ; Зырянова Ю.В. Криминологическая характеристика насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи и его предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Абакан, 2017. 348 с. ; Степанова О.Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 286 с. ; Атагимова Э.И. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительный анализ // *Мониторинг правоприменения*. 2018. № 2 (27). С. 51.

¹⁰ Примечание: статистические сведения МВД о преступлениях, совершенных на бытовой почве за январь-декабрь 2018 г. представлены в итоговом Отчете экспертно-аналитического исследования по теме «Предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в России и за рубежом: законодательное регулирование и практика правоприменения».

¹¹ Дьяченко А.П., Цымбал Е.И. Уголовно-правовая охрана детей от сексуальных посягательств: опыт России и зарубежных стран // *Lex russica*. 2014. № 11. С. 1305.

¹² Атагимова Э.И. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительный анализ // *Мониторинг правоприменения*. 2018. № 2 (27). С. 49–53.

беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного¹³.

Согласно отечественному законодательству государство не имеет права вмешиваться в частную жизнь семьи до факта совершения насилия. Положения Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 7) закрепляют государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, а согласно ст. 38 материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Несомненно, верно утверждение В.И. Шахова, который отмечает, что «решение проблемы насилия в семье уголовно-правовыми средствами должно строиться на строгом соблюдении баланса между правом на свободу и правом на безопасность личности. Семейные отношения принадлежат в большей степени к частной жизни людей, что требует особой осторожности в вопросе государственного вмешательства в указанную сферу»¹⁴. Вместе с тем обойтись без такого вмешательства в целях защиты конституционных прав лиц, подвергшихся насилию в семье, а также профилактики преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, не представляется возможным.

В сфере затронутой проблемы есть все основания поддержать В.С. Харламова в том, что к пробелам уголовного закона можно отнести отсутствие в приоритетных задачах (ст. 2 УК РФ), решаемых государством посредством российского уголовного законодательства, охраны семьи, а также отсутствие в отечественном законодательстве таких значимых дефиниций, как «насилие» либо «насильственное действие», «внутрисемейное насильственное преступление», «бытовое преступление», «насилие в семье», «зависимое лицо», «пострадавший»¹⁵. В числе задач Уголовного кодекса РФ (ч. 1 ст. 2 УК РФ) наряду с иными, как справедливо отмечает автор, «закреплены «охрана... окружающей среды, конституционно-го строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества...». Однако отечественный законодатель не посчитал необходимым включить в задачи Уголовного кодекса РФ охрану семейной ячейки как социальную общность». Автор предлагает данный пробел устранить, включив в перечень объектов уголовно-правовой охраны, закрепленный в ст. 2 УК РФ, семью, с чем сложно не согласиться. В правильности высказанного утверждения свидетельствуют и аргументы, приведенные автором. В частности, отмечается, что Организация Объединенных Наций рекомендует обеспечить безопасность такого социума, как семья. Во Всеобщей декларации прав человека (при-

нятой 10 декабря 1948 г. ООН) закреплено фундаментальное для определения приоритетов социальной политики положение о том, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» (ст. 16)¹⁶. В принятой 26 июня 2014 г. резолюции Совета по правам человека ООН зафиксировано утверждение о необходимости предоставления необходимой защиты семье как естественной среде для роста и благополучия всех ее членов¹⁷.

Чаще всего жертвами семейно-бытового насилия становятся в первую очередь самые незащищенные граждане — дети, женщины, престарелые, инвалиды. При этом необходимо обратить внимание на то, что вследствие зависимого положения в семье или в силу возраста, многие жертвы просто не способны защитить себя. Как правило, домашний агрессор пользуется слабостью домочадцев, их уязвимостью, подавляет их. Жертвы семейного насилия запуганы, полагают, что обращение к кому-либо может не сгладить проблему, а, наоборот, осложнить, «разозлить» домашнего дебошира. Да и совместное проживание толкает на примиренческую позицию, неверие в разрешимость конфликтов. Определенной спецификой обладают жертвы внутрисемейного криминального насилия старшего поколения. Уязвимость пожилых граждан в ситуациях криминального насилия обусловлена, как отмечается в литературе, возрастными особенностями физиологического состояния. Некоторые лица пожилого возраста страдают тяжелыми заболеваниями, которые лишают их полноценной подвижности, нарушают коммуникативную сферу. Такие пожилые люди, по сути, беспомощны перед членами семьи, которые совершают против них насильственные преступления. Многие лица пожилого возраста страдают тяжелыми психическими расстройствами, что также может препятствовать их обращению за защитой в правоохранительные органы или в органы социальной защиты населения¹⁸. Порою жертвам семейно-бытового насилия просто некуда идти, они не знают, куда обратиться за профессиональной помощью. В связи с этим большинство пострадавших от семейно-бытового насилия либо вовсе не обращаются в правоохранительные органы, либо обращаются слишком поздно и здоровью причинен тяжкий вред, нанесена психологическая травма. Следует отметить, что криминальному внутрисемейному насилию подвержены не только женщины, дети и лица пожилого возраста, но и мужчины. Результаты исследования,

¹³ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: ст. 105, ст. 106, ст. 110, ст. 111, ст. 110.1, ст. 112, ст. 117, ст. 120, ст. 121, ст. 122, ст. 125, ст. 126, ст. 127, ст. 127.1, ст. 127.2, ст. 131, ст. 132, ст. 133, ст. 134, ст. 135, ст. 156.

¹⁴ Шахов В.И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2003. 197 с.

¹⁵ Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье: системное криминологическое и уголовно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019. С. 99, 167, 622, 266, 272.

¹⁶ Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 18.08.2020).

¹⁷ Резолюция Совета по правам человека ООН от 26 июня 2014 г. URL: <http://daccess-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G14/086/78/PDF/G1408678.pdf?OpenElement> (дата обращения: 18.08.2020).

¹⁸ Бочкарева Е.В. Специальная виктимологическая профилактика насильственной преступности в семейно-бытовой сфере // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 1. С. 33–38.

представленные в научной работе В.С. Харламова, показали, что в последние годы фактически каждый третий мужчина-россиянин ежегодно становился жертвой криминального внутрисемейного насилия. До 30,0% мужчин страдают в семье от женской агрессии. Мужчины в семье подвергаются психологическому, экономическому, геронтологическому и другим видам насилия¹⁹.

Обобщение приведенных суждений дает основания утверждать о том, что насилие, совершенное в отношении членов семьи, представляет большую степень общественной опасности, нежели те же преступления, совершенные посторонним человеком. Кроме того, преступления в отношении членов семьи посягают на внутрисемейные отношения, которые неизбежно приводят к более серьезным последствиям (расторжение брака, споры в отношении детей, а в трагических случаях — сиротство).

Общество не может не осознавать, что, помимо общественной опасности рассматриваемых проявлений, серьезную озабоченность вызывает то, что высокая латентность таких поведенческих эксцессов обуславливается также сложностями разрешения процедурных вопросов. Речь о том, что сбор и закрепление доказательств оказываемого насилия в отношении взрослых членов семьи и тем более детей в силу понятных причин крайне сложны. Как правило, преступное насилие проявляется и совершается без свидетелей, а возможный зафиксированный факт причиненных повреждений или вреда здоровью не является абсолютным доказательством вины учиняющего насилие. Нельзя не признать и возможность вины жертвы — провокации, неспособность не допустить конфликт, зависимость экономическая, психологическая и др., тем более что совершающий насилие в семье физически несопоставимо сильнее, как правило, своей жертвы.

Есть еще обстоятельства, влияющие на уровень домашнего насилия. Это отсутствие целенаправленной профилактической деятельности государственных и общественных органов, а также отсутствие регламентированного межведомственного взаимодействия в рамках профилактики семейно-бытового насилия. Однако, как справедливо отмечает В.С. Харламов, «в процессе практической реализации уголовного законодательства, которую осуществляют компетентные органы, возникает множество непростых вопросов, связанных с правоприменительной деятельностью последних»²⁰. Анализ национального законодательства позволяет сделать вывод, что сотрудники правоохранительных органов в соответствии с действующим законодательством фактически не имеют никаких мер воздействия на семей-

ного дебошира до того момента, пока он не совершит преступное насилие или жертва сама не обратится за помощью в правоохранительные органы. В рамках действующих норм законодательства представляется затруднительным оказать помощь в случаях, когда один из партнеров после разрыва начинает преследовать бывшего физически и виртуально, выслеживает, угрожает, и не только в адрес жертвы, но и в адрес родственников, близких. В уголовном законодательстве отсутствует специальная правовая норма, устанавливающая ответственность за преследование человека. Для привлечения к ответственности необходимо, чтоб в его действиях были выявлены иные составы преступления (например, ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» — если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы). Преследование часто остается скрытым преступлением в связи с тем, что отдельные виды поведения преследователя (например, неожиданное появление рядом с жертвой, нежелательное для жертвы общение) не считаются уголовным преступлением. При этом мы все понимаем, что в любой момент преследование может перейти в физическое насилие и/или убийство.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК) абсолютное большинство преступлений, следствие и дознание по которым подследственны органам внутренних дел (ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151 УПК РФ), совершается в результате насилия в семейно-бытовой сфере²¹. Статья 20 УПК определяет, что в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке. Уголовные дела частного и частно-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя (за исключением случаев, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы). Преступления, предусмотренные статьями 115 частью первой (Умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности), 116.1 (Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию) УК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения.

Таким образом, на жертву семейно-бытового насилия в основном возлагаются функции частного обвинителя, который должен самостоятельно подать заявление, представлять доказательства, участвовать в их исследовании. Многие жертвы семейно-бытового насилия не информированы о своих правах,

¹⁹ Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье : системное криминологическое и уголовно-правовое исследование : дис.... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. С. 350.

²⁰ Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье : системное криминологическое и уголовно-правовое исследование : дис.... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. С. 250.

²¹ Гришко Н.А. Полиция как субъект профилактики в сфере противодействия преступному насилию женщин в семейно-бытовой сфере // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : материалы XIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения). В 3 частях. М., 2018. С. 555–562.

как следствие, не могут дать правовую оценку той ситуации, в которой они оказались, поэтому в большинстве случаев предпочитают не обращаться в правоохранительные органы.

Анализируемая проблема усложняется и тем, как справедливо отмечает В.А. Шакина, что правоохранительные органы неохотно возбуждают уголовные дела по факту семейного насилия, часто это связано с тем, что в большинстве случаев их приходится прекращать, потому что потерпевшие отказываются от своих первоначальных показаний или меняют их (уголовные дела частного обвинения подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым). Страшась разорвать и без того не прочные связи с семьей, боясь мести или поддаваясь обещаниям и уговорам, потерпевшие редко требуют привлечения обидчиков к уголовной ответственности²². Жертвы домашнего насилия не всегда осознают, что все начинается с малых побоев, а безнаказанность развязывает руки домашним дебоширам, и в конечном итоге преступные действия домашнего насильника могут привести к необратимым трагическим последствиям.

Обобщая изложенное, представляется значимым отметить, что в настоящее время на законодательном уровне сформированы концептуальные основы правового регулирования и применения мер по противодействию криминальному насилию в семье. Вместе с тем высказанные ранее соображения о процессуальных сложностях установления фактов домашнего насилия, боязни жертв обращаться в правоохранительные органы приводят нас к выводу, что наряду с разработкой проекта специального закона о профилактике семейно-бытового насилия есть все основания для внесения предложений по введению в ряд статей Особенной части УК РФ.

В этой связи заслуживает внимания один из вариантов по нормализации положения, предложенного Д.А. Шестаковым. В частности, автором предлагается отказаться от законодательного подразделения побоев на «хулиганские» (в жизни, как правило, это действия в общественном месте против посторонних) плюс политические, с одной стороны, и прочие (читай — бытовые) побои, с другой стороны. Для этого, отмечается автором, «необходимо убрать из первого абзаца ст. 116 УК РФ (Побои) слова «совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Тогда ответственность за побои в отношении семейного окружения вернется в уголовный закон»²³.

²² Шакина В.А. Женщина как жертва семейного насилия в супружеских отношениях (Проблемы, причины, предупреждение) : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. 204 с.

²³ Шестаков Д.А. Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии (о проамериканском законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия» в Российской Федерации) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 27.

Альтернативный вариант предлагается автором настоящей статьи. В частности, в целях усиления уголовно-правовой защиты жертв семейно-бытового насилия предлагается статью 116.1 УК РФ дополнить частью второй следующего содержания:

«Те же действия, совершенные в отношении близких лиц, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, — наказываются обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет».

Дополнить примечанием следующего содержания: *«Примечание. Под близкими лицами в настоящей статье понимаются супруг, супруга, бывшие супруги, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки, опекуны, попечители, а также лица, связанные свойством и (или) совместно проживающие и ведущие общее хозяйство».*

Представляется заслуживающим внимания и предложение Т.А. Сидоренковой и М.И. Либоракиной о введении в УК РФ понятия «зависимые члены семьи», с тем чтобы насильственные преступления против зависимых членов семьи рассматривались как совершенные при отягчающих обстоятельствах²⁴.

Такие положения не только оказывали бы превентивное воздействие, но и отражали бы оценку законодателем повышенной опасности посягательств на жертвы, находящиеся в зависимости, при экономическом, сексуальном и ином насилии. Это гораздо более опасный, как правило, уровень насилия, чем применяемое к незнакомому человеку, который более свободен в обращении за помощью правоохранителей.

Заслуживает поддержки и законодательная инициатива, представленная в исследовательской работе В.С. Харламова. В частности, ученый аргументирует целесообразность дополнения раздела VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» принудительными мерами прохождения в специализированных учреждениях программ разрешения внутрисемейных конфликтов. Предлагается законодательно закрепить новое название главы 15 УК РФ «Принудительные меры медицинского характера и коммуникативной превенции» вместо прежнего названия «Принудительные меры медицинского характера» и дополнить УК РФ статьей 99.1 «Принудительные меры коммуникативной превенции»²⁵. Схожее предложение о необходимости регламентировать в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве прохождение примирительной

²⁴ Сидоренкова Т.А., Либоракина М.И. Правовые основы защиты от насилия в семье. URL: <https://docplayer.ru/39646593-Pravovye-osnovy-zashchity-ot-nasiliya-v-seme.html> (дата обращения: 20.01.2019).

²⁵ См. подробнее: Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье : системное криминологическое и уголовно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019. С. 287.

процедуры либо курса психотерапии в качестве условия освобождения от уголовной ответственности, условного осуждения и условно-досрочного освобождения было сформулировано и Д.А. Шестаковым²⁶. На наш взгляд, разработка и внедрение указанных программ, направленных на коррекцию межличностных отношений в семье, несомненно, позволят диагностировать причины межличностных семейных конфликтов, будут способствовать налаживанию внутрисемейных отношений и укреплению семьи.

Подводя итог, следует констатировать, что, безусловно, необходим систематизированный правовой

документ, в котором был бы акцент на профилактику семейно-бытового насилия. Специальный закон, в случае его принятия, может стать важным дополнительным инструментом консолидации субъектов профилактики семейно-бытового насилия в целях реализации мер, направленных на профилактику семейного неблагополучия, обеспечения защиты от насилия в семье тех ее членов, которые в силу малолетнего или преклонного возраста, инвалидности, материальной зависимости не могут самостоятельно проявить инициативу и обратиться за помощью. Если в семье имеет место быть жестокое обращение с детьми, инвалидами, престарелыми родителями, женщинами или другими близкими лицами, то это говорит о том, что вопросы обеспечения защиты лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию, в достаточной степени не урегулированы. Вместе с тем нормы закона должны быть досконально проработаны в целях исключения широкой трактовки и недопущения необоснованного вмешательства в семью.

²⁶ Шестаков Д.А. Теоретические основы семейной криминологии в применении к противодействию внутрисемейным насильственным преступлениям // Социально-психологические, уголовно-правовые и криминологические проблемы семейно-бытового насилия : материалы международной научно-практической конференции. Баку : Академия полиции Азербайджана, 2016. С. 17–24.

Литература

1. Антонян Е.А. Психологическое насилие в семье как угроза безопасности детей / Е.А. Антонян, А.Б. Баумштейн // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 4. С. 86–89.
2. Антонян Ю.М. Криминогенное влияние на личность на стадии ранней социализации / Ю.М. Антонян // Lex russica (Русский закон). 2013. № 7. С. 735–741.
3. Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество : монография / Ю.М. Антонян. Москва : ВНИИ МВД России, 2001. 247 с.
4. Атагимова Э.И. Правовое регулирование противодействия семейно-бытовому насилию в России и за рубежом: сравнительный анализ / Э.И. Атагимова // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2 (27). С. 49–53.
5. Атагимова Э.И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современного информационного пространства России / Э.И. Атагимова // Правовая информатика. 2017. № 2. С. 18–27.
6. Бочкарева Е.В. Специальная виктимологическая профилактика насильственной преступности в семейно-бытовой сфере / Е.В. Бочкарева // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 1. С. 33–38.
7. Гришко Н.А. Полиция как субъект профилактики в сфере противодействия преступного насилия женщин в семейно-бытовой сфере / Н.А. Гришко // Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : материалы XIII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) (г. Москва, 21–23 ноября 2017 г.). В 3 частях. Ч. 3 : сборник научных статей / научное редактирование: С.М. Зубарев, Л.А. Воскобитова, Ю.В. Грачева. Москва : Проспект, 2018. С. 555–562.
8. Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана детей от сексуальных посягательств: опыт России и зарубежных стран / А.П. Дьяченко, Е.И. Цымбал // Lex russica (Русский закон). 2014. № 11. С. 1304–1315.
9. Зырянова Ю.В. Криминологическая характеристика насилия в отношении несовершеннолетних членов семьи и его предупреждение : диссертация кандидата юридических наук / Ю.В. Зырянова. Абакан, 2017. 345 с.
10. Меликов Ф.А. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия насилию в семье : диссертация кандидата юридических наук / Ф.А. Меликов. Москва, 2017. 187 с.
11. Научные концепции развития российского законодательства : монография / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова [и др.] ; ответственные редакторы Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. 7-е изд., доп. и перераб. Москва : Юриспруденция, 2015. 544 с.
12. Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы : коллективная монография / В.А. Абаканова, Е.А. Агеева, О.А. Аксенович [и др.] ; под редакцией А.А. Дорской, З.Ш. Матчановой. Санкт-Петербург : Астерион, 2018. 432 с.
13. Потемкина А.Т. Потребности дифференциации ответственности за различные виды насилия / А.Т. Потемкина, И.Г. Цопанова // Мониторинг правоприменения. 2018. № 3 (28). С. 32–35.
14. Ростова О.С. Семейное воспитание несовершеннолетних — приоритетное направление государственно-правовой политики Российской Федерации / О.С. Ростова // Правовая информатика. 2016. № 3. С. 20–25.

15. Рыбаков О.Ю. Российская правовая политики в сфере защиты прав детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения / О.Ю. Рыбаков, О.Ю. Ситкова. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2009. 129 с.
16. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика / С.Я. Саламова // Lex russica (Русский закон). 2018. № 9 (142). С. 129–138.
17. Степанова О.Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения : диссертация кандидата юридических наук / О.Ю. Степанова. Санкт-Петербург, 2018. 286 с.
18. Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье : системное криминологическое и уголовно-правовое исследование : диссертация доктора юридических наук / В.С. Харламов. Санкт-Петербург, 2019. 719 с.
19. Шакина В.А. Женщина как жертва семейного насилия в супружеских отношениях (Проблемы, причины, предупреждение) : диссертация кандидата юридических наук / В.А. Шакина. Иркутск, 2002. 204 с.
20. Шахов В.И. Насилие в семье : уголовно-правовое и криминологическое значение : диссертация кандидата юридических наук / В.И. Шахов. Ижевск, 2003. 197 с.
21. Шестаков Д.А. Теоретические основы семейной криминологии в применении к противодействию внутрисемейным насильственным преступлениям / Д.А. Шестаков // Социально-психологические, уголовно-правовые и криминологические проблемы семейно-бытового насилия : материалы международной научно-практической конференции (г. Баку, 29 февраля, 2016 г.) : сборник научных статей. Баку : Академия полиции Азербайджана, 2016. С. 17–24.
22. Шестаков Д.А. Криминогенное законодательство в свете семейной криминологии (о проамериканском законопроекте «О профилактике семейно-бытового насилия» в Российской Федерации) / Д.А. Шестакова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (56). С. 23–28.

References

1. Antonyan E.A. Psikhologicheskoe nasilie v semye kak ugroza bezopasnosti detey [Mental Violence in a Family as a Threat to Children's Safety] / E.A. Antonyan, A.B. Baumshteyn // Problemy` ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2019. T. 15 – Issues of Economics and Legal Practice. 2019. Vol. 15. № 4. S. 86–89.
2. Antonyan Yu.M. Kriminogennoe vliyaniye na lichnost na stadii ranney sotsializatsii [Criminogenic Influence on an Individual at the Early Socialization Stage] / Yu.M. Antonyan // Lex russica (Russkiy zakon) – Lex russica (Russian Law). 2013. № 7. S. 735–741.
3. Antonyan Yu.M. Nasilie. Chelovek. Obschestvo : monografiya [Violence. Human. Society : monograph] / Yu.M. Antonyan. Moskva : VNII MVD Rossii – Moscow : NRI of the Ministry of the Interior of Russia, 2001. 247 s.
4. Atagimova E.I. Pravovoe regulirovaniye protivodeystviya semeyno-by`tovomu nasiliyu v Rossii i za rubezhom: sravnitelny`y analiz [The Legal Regulation of Combating Family and Domestic Violence in Russia and Abroad: A Comparative Analysis] / E.I. Atagimova // Monitoring pravoprimereniya – Monitoring of Law Enforcement. 2018. № 2 (27). S. 49–53.
5. Atagimova E.I. Rol instituta semyi pri formirovaniye npravstvennosti i pravosoznaniya lichnosti v usloviyakh sovremennogo informatsionnogo prostranstva Rossii [The Role of the Family Institution in the Establishment of Morality and Legal Consciousness of an Individual in Conditions of the Modern Informational Environment of Russia] / E.I. Atagimova // Pravovaya informatika – Legal Informatics. 2017. № 2. S. 18–27.
6. Bochkareva E.V. Spetsialnaya viktimologicheskaya profilaktika nasilstvennoy prestupnosti v semeyno-by`tovoy sfere [Special Victimological Prevention of Violent Crimes in the Family and Domestic Sphere] / E.V. Bochkareva // Soyuz kriminalistov i kriminologov – Union of Criminalists of Criminologists. 2019. № 1. S. 33–38.
7. Grishko N.A. Politsiya kak subyekt profilaktiki v sfere protivodeystviya prestupnogo nasiliya zhenschin v semeyno-by`tovoy sfere [Police as a Subject of Prevention in Combating Criminal Violence Against Women in the Family and Domestic Sphere] / N.A. Grishko // Sovremennoye rossiyskoe pravo: vzaimodeystvie nauki, normotvorchestva i praktiki : materialy` XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kutafinskie chteniya) (g. Moskva, 21–23 noyabrya 2017 g.). V 3 chastyakh. Ch. 3 : sbornik nauchny`kh statey / nauchnoe redaktirovaniye : S.M. Zubarev, L.A. Voskobitova, Yu.V. Gracheva. Moskva : Prospekt – Modern Russian Law: Interrelation Between Science, Law Making and Practice: files of the XIII international scientific and practical conference (the Kutafin Readings) (Moscow, November 21 to 23, 2017). In 3 parts. Part 3 : collection of scientific articles / scientific editors : S.M. Zubarev, L.A. Voskobitova, Yu.V. Gracheva. Moscow : Prospekt, 2018. S. 555–562.
8. Dyachenko A.P. Ugolovno-pravovaya okhrana detey ot seksualny`kh posyagatelstv: opy`t Rossii i zarubezhny`kh stran [Criminal Law Protection of Children Against Sexual Abuse: The Experience of Russia and Foreign Countries] / A.P. Dyachenko, E.I. Tsymbal // Lex russica (Russkiy zakon) – Lex russica (Russian Law). 2014. № 11. S. 1304–1315.

9. Zyryanova Yu.V. Kriminologicheskaya kharakteristika nasiliya v otnoshenii nesovershennoletnikh chlenov semyi i ego preduprezhdenie : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Criminological Characteristics and the Prevention of Violence in Respect of Minor Family Members : thesis of PhD (Law)] / Yu.V. Zyryanova. Abakan — Abakan, 2017. 345 s.
10. Melikov F.A. Ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie mery` protivodeystviya nasiliyu v semye : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Criminal Law and Criminological Means of Combating Family Violence : thesis of PhD (Law)] / F.A. Melikov. Moskva — Moscow, 2017. 187 s.
11. Nauchny`e kontseptsii razvitiya rossiyskogo zakonodatelstva : monografiya [Scientific Concepts of the Development of Russian Laws : monograph] / S.E. Naryshkin, T.Ya. Khabrieva, A.I. Abramova [i dr.] ; otvetstvenny`e redaktory` T.Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov. 7-e izd., dop. i pererab. Moskva : Yurisprudentsiya — S.E. Naryshkin, T.Ya. Khabrieva, A.I. Abramova [et al.] ; publishing editors T.Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov. 7th edition, enlarged and revised. Moscow : Jurisprudence, 2015. 544 s.
12. Otrasleye delenie mezhdunarodnogo prava: traditsionny`e i novy`e podkhody` : kollektivnaya monografiya [Industrial Division of International Law: Traditional and New Approaches : collective monograph] / V.A. Abakanova, E.A. Ageeva, O.A. Aksenovich [i dr.] ; pod redaktsiyey A.A. Dorskoy, Z.Sh. Matchanovoy. Sankt-Peterburg : Asterion — V.A. Abakanova, E.A. Ageeva, O.A. Aksenovich [et al.] ; edited by A.A. Dorskaya, Z.Sh. Matchanova. Saint Petersburg : Asterion, 2018. 432 s.
13. Potemkina A.T. Potrebnosti differentsiatsii otvetstvennosti za razlichny`e vidy` nasiliya [The Need for the Differentiation of Liability for Different Violence Types] / A.T. Potemkina, I.G. Tsopanova // Monitoring pravoprimeneniya — Monitoring of Law Enforcement. 2018. № 3 (28). S. 32–35.
14. Rostova O.S. Semeynoe vospitanie nesovershennoletnikh — prioritetnoe napravlenie gosudarstvenno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Family Upbringing of Minors as a Priority Area of the State Legal Policy of the Russian Federation] / O.S. Rostova // Pravovaya informatika — Legal Informatics. 2016. № 3. S. 20–25.
15. Rybakov O.Yu. Rossiyskaya pravovaya politika v sfere zaschity` prav detey-sirot i detey, lishenny`kh roditelskogo popecheniya [The Russian Legal Policy in the Protection of Rights of Orphans and Children Deprived of Parental Care] / O.Yu. Rybakov, O.Yu. Sitkova. Saratov : Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava — Saratov : Saratov State Law Academy, 2009. 129 s.
16. Salamova S.Ya. Domashnee nasilie v sovremennoy Rossii: obshchaya kharakteristika [Domestic Violence in Modern Russia: General Characteristics] / S.Ya. Salamova // Lex russica (Russkiy zakon) — Lex russica (Russian Law). 2018. № 9 (142). S. 129–138.
17. Stepanova O.Yu. Ugolovnaya otvetstvennost za prestupleniya protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody` nesovershennoletnikh: sovershenstvovanie zakonodatelnoy reglamentatsii i pravoprimeneniya : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Criminal Liability for Crimes Against Sexual Integrity and Sexual Freedom of Minors: The Improvement of Legal Regulation and Law Enforcement : thesis of PhD (Law)] / O.Yu. Stepanova. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2018. 286 s.
18. Kharlamov V.S. Teoriya i praktika protivodeystviya prestupnomu nasiliyu v semye: sistemnoe kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [The Theory and Practice of Combating Criminal Family Violence: Systemic Criminological and Criminal Law Research : thesis of LL.D.] / V.S. Kharlamov. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2019. 719 s.
19. Shakina V.A. Zhenschina kak zhertva semeynogo nasiliya v supruzheskikh otnosheniyakh (Problemy`, prichiny`, preduprezhdenie) : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [A Woman as a Victim of Domestic Violence in Spousal Relationship (Problems, Grounds, Prevention) : thesis of PhD (Law)] / V.A. Shakina. Irkutsk — Irkutsk, 2002. 204 s.
20. Shakhov V.I. Nasilie v semye: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe znachenie : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Family Violence: Criminal Law and Criminological Meaning : thesis of PhD (Law)] / V.I. Shakhov. Izhevsk — Izhevsk, 2003. 197 s.
21. Shestakov D.A. Teoreticheskie osnovy` semeynoy kriminologii v primenenii k protivodeystviyu vnutrisemeyny`m nasilstvenny`m prestupleniyam [Theoretical Bases of Family Criminology as Applied to Combating Violent Crimes in a Family] / D.A. Shestakov // Sotsialno-psikhologicheskie, ugolovno-pravovy`e i kriminologicheskie problemy` semeyno-by`tovogo nasiliya : materialy` mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Baku, 29 fevralya, 2016 g.) : sbornik nauchny`kh statey. Baku : Akademiya politsii Azerbaydzhana — Social, Psychological, Criminal Law and Criminological Issues of Family and Domestic Violence : files of an international scientific and practical conference (Baku, February 29, 2016) : collection of scientific articles. Baku : Azerbaijan Police Academy, 2016. S. 17–24.
22. Shestakov D.A. Kriminogennoe zakonodatelstvo v svete semeynoy kriminologii (o proamerikanskom zakonoproekte «O profilaktike semeyno-by`tovogo nasiliya v Rossiyskoy Federatsii») [Criminal Laws in View of Family Criminology (On the Pro-American Bill On the Prevention of Family and Domestic Violence in the Russian Federation)] / D.A. Shestakova // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra — Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2020. № 1 (56). S. 23–28.

О решениях Общего собрания членов Ассоциации юридического образования от 25 сентября 2020 г.

Шенгелия Гоча Аликоевич,

помощник декана по связям с государственными и общественными организациями
Юридического факультета Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук
gashengelia@mail.ru

В статье сообщается о решениях Общего собрания членов Ассоциации юридического образования (ОСЧ АЮРО), которое состоялось 25 сентября 2020 г. на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Ключевые слова: Ассоциация юридического образования, АЮРО, конкурс педагогического мастерства, Президент АЮРО.

25 сентября 2020 г. на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялось Общее собрание членов Ассоциации юридического образования (ОСЧ АЮРО)¹.

ОСЧ АЮРО с приветственным словом открыл и председательствовал Блажеев Виктор Владимирович, вице-президент АЮРО, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). На ОСЧ АЮРО рассматривались следующие вопросы:

1. Об итогах конкурса АЮРО. Награждение победителя конкурса педагогического мастерства преподавателей правовых дисциплин в номинации «Лучший молодой преподаватель правовых дисциплин по версии АЮРО». Слушали: Чаньшева Александра Сергеевича, председателя Правления АЮРО, заместителя начальника Учебно-методического управления Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Победителем конкурса педагогического мастерства преподавателей правовых дисциплин Ассоциации юридического образования в номинации «Лучший молодой преподаватель по версии АЮРО» стала старший преподаватель кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» Азаренкова Елена Андреевна.

Вице-президент АЮРО, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) В.В. Блажеев вручил свидетельство победителя конкурса Е.А. Азаренковой.

2. Об утверждении Положения о Конкурсной комиссии АЮРО. Слушали: Чаньшева А.С.

Принято решение: Утвердить Положение о Конкурсной комиссии АЮРО.

¹ О деятельности Ассоциации юридического образования (АЮРО) см.: URL: <http://ajuro.pf>

3. Отчет Председателя Правления АЮРО за 2019–2020 гг. Слушали: Чаньшева А.С.

Принято решение: Утвердить отчет Председателя Правления АЮРО за 2019–2020 гг.

4. Отчет Президента АЮРО за 2019–2020 гг. Дистанционно слушали: Белова Сергея Александровича, Президента АЮРО, декана Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Принято решение: Утвердить отчет Президента АЮРО за 2019–2020 гг.

5. Об исполнении сметы доходов и расходов АЮРО за 2019 г., утверждение годового отчета и годового бухгалтерского баланса АЮРО. Слушали: Чаньшева А.С.

Принято решение: 1. Утвердить исполнение сметы доходов и расходов АЮРО за 2019 г. 2. Утвердить годовой отчет и годовой бухгалтерский баланс АЮРО.

5. О результатах работы Ревизионной комиссии АЮРО. Слушали: Ручкину Гульнару Флюоровну, председателя Ревизионной комиссии АЮРО, члена ПДК АЮРО, декана Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Принято решение: Утвердить заключение Ревизионной комиссии по результатам плановой документарной проверки финансово-хозяйственной деятельности АЮРО за 2019 г.

7. Об определении размеров вступительного и ежегодного взносов. Слушали: Чаньшева А.С.

Принято решение: Определить размеры взносов в АЮРО: вступительного — 100 000 руб., ежегодного — 60 000 руб.

8. Об утверждении сметы доходов и расходов на 2020 гт. Слушали: Чанышева А.С.

Принято решение: Утвердить смету доходов и расходов на 2020 г.

9. Избрание членов Ревизионной комиссии. Слушали: Чанышева А.С.

Принято решение: Избрать Ревизионную комиссию АЮРО в составе: Ручкина Гульнара Флюровна (председатель комиссии); Гукешкоков Мурат Хасанбиевич (член комиссии); Костин Сергей Андреевич (член комиссии).

10. Выборы Президента АЮРО. Слушали: Блажеева В.В.

Принято решение: Избрать Президентом АЮРО Голиченкова Александра Константиновича, декана Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

11. О задачах АЮРО на 2020–2021 гг. Слушали избранного Президента АЮРО Голиченкова А.К.

Принято решение: Одобрить задачи АЮРО на 2020–2021 гг.

12. Об изменении состава Президиума АЮРО. Слушали Блажеева В.В.

Принято решение: Избрать Толстикovu Екатерину Андреевну, заместителя Министра просвещения Российской Федерации, членом Президиума АЮРО.

13. О стипендиальной программе АЮРО и Газпромбанк (Акционерное общество), подписание Договора о порядке предоставления именных стипендий Газпромбанк для обучающихся образовательных организаций — членов АЮРО. Слушали: Чанышева А.С.

Избранный Президент АЮРО Голиченков А.К. и первый вице-президент Газпромбанк Третьяк Н.В. подписали договор.

14. О взаимодействии АЮРО с федеральным казенным образовательным учреждением высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний». Слушали: Крымова Александра Александровича, начальника Университета ФСИН России.

Принято решение: Информацию принять к сведению.

15. Разное. О проведении заседания АЮРО на базе Астраханского государственного университета. Слушали: Чердакова Олега Ивановича, проректора по научной и инновационной работе Международного юридического института, и Савельеву Елену Викторовну, декана Юридического факультета Астраханского государственного университета.

Принято решение: Информацию принять к сведению.

ВНИМАНИЕ! АКЦИЯ НОЯБРЯ!

Сообщаем, что только в период с 2 по 30 ноября 2020 года при оформлении годовой подписки на журнал «Семейное и жилищное право» скидка составит 30 %!
Спешите оформить подписку!

По вопросу оформления подписки просим обращаться по тел.: 8 (495) 617-18-88 – многоканальный;
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
или по электронной почте: podpiska@lawinfo.ru

The Experience of the International Cooperation in Organized Crime Combating

Matskevich Igor M., Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D.

Purpose. Explore the experience of international cooperation against organized crime and identify key positions for improving Russia's interaction with other countries in this area. **Methodology:** the basic method of the presented scientific research was the comparative legal method, within the framework of which a diachronic and synchronous, normative and functional comparison of the experience of cooperation in the fight against organized crime was carried out. **Conclusions.** 1. Without international cooperation, success in the fight against organized crime is impossible. 2. The legal basis for international cooperation in the fight against organized crime is the UN Convention against Transnational Organized Crime of November 15, 2000. 3. An important component of international cooperation in this area is the relevant international organizations: a) UN Office on Drugs and Crime; b) Interpol; c) Europol. 4. Proposals for international cooperation in combating organized crime, which are enshrined in the corresponding US Strategy, are of interest. 5. For Russian law enforcement agencies, the overall coordination of their efforts in international cooperation is of great importance. **Scientific and practical significance.** The conclusions contained in the article are of practical importance for analyzing the effectiveness of international cooperation in the fight against organized crime.

Keywords: criminology, organized crime, convention, strategy, law enforcement, cooperation, UNODC UN, Interpol, Europol.

Gaps in the University Criminological Science

Dashkov Gennadiy V., Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Purpose. To offer the reader the most relevant directions of research and development for criminological science and practice in very specific conditions of a higher educational institution, which, for a number of objective and subjective reasons, has become one of the most important institutions where criminological science can develop with sufficient efficiency. **Methodology:** dialectics, induction, deduction, analysis, synthesis, comparative legal and formal logical methods. **Conclusions.** 1. The current institutional mechanism for conducting criminological research and development in the Russian Federation (individual research, departmental criminological science of law enforcement bodies, criminology at universities) is quite intensive, but not quite always, with sufficient grounds, it changes. Moreover, without proper methodological and other necessary support. 2. The overwhelming majority of criminologists are currently combining educational and scientific work, which, without proper organizational and managerial adjustments, reduces the efficiency of their scientific and pedagogical activities. 3. For all the shortcomings of the university criminological science, there are also a number of its indisputable advantages (preferential planning from below, greater efficiency, maximum interest of the author in the implementation of the results obtained in practice).

Scientific and practical significance. University criminological science, with its proper organization and self-organization, is most effective in comparison with other types of scientific research. This efficiency is both economic, political and organizational in nature, both in terms of social order and the assessment of the results obtained.

Keywords: university criminological science, subjects of scientific research, management of university criminological science, joint research coordination, possible directions, topics, social order, its subjects and performers.

On Combating Modern Extremism and Terrorism in the Conditions of the Use of New Technologies

Antonyan Elena A., Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Professor

Milovanova Marina M., Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law), Associate Professor

Purpose. A study of the current state of the fight against cyber terrorism and cyber extremism in the context of the development of new technologies, when modern achievements of scientific and technological progress are actively used in the area under consideration in order to develop new approaches to solving the question posed. **Methodology:** the article is based on a reasonable combination of the general scientific dialectical method with legal positivism. Social connections and phenomena, and their interaction with scientific categories are considered in dialectical unity. Consideration of a separate document is based on comparative legal positivism. The work uses scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction. **Conclusions.** 1. Today there is no comprehensive approach to organizing the fight against cyber terrorism and cyber extremism. 2. At present, terrorism and extremism are actively using in their activities modern capabilities of electronic and information-telecommunication systems and technologies. 3. The current global geopolitical situation in the world does not allow the creation of an effective international system for combating and countering terrorism and extremism, especially in the use of modern electronic and telecommunication technologies. **Scientific and practical significance.** The article presents some of the author's positions on how, in the absence of effective legal means of organizing the interaction of law enforcement structures of states, it is possible to consolidate one's efforts to minimize the spread of cybercrime in the world and, in particular, such most dangerous manifestations of it as cyber terrorism and cyber extremism.

Keywords: cyber terrorism, cyber extremism, states, new technologies, counteraction, fight, cybercrime.

On the Role of Victimologic Prevention in Suppression of Crimes Committed with the Use of Information Technology

Kleschina Elena N., Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Associate Professor

Purpose. To study the role of victimological prevention in crime prevention using information technologies. **Methodology:** comparative legal, historical, statistical, logical methods. **Conclusion.** In assessing the importance of crime prevention measures using information technology, it is important to pay attention to measures of victimological prevention. **Scientific and practical significance.** The conclusions presented in the article are of practical importance when implemented in the activities of law enforcement agencies interested in the information security of organizations.

Keywords: victimological prevention, information technology, crimes, crime victim.

Self-Determination of Organized Crime

Koroleva Marina V., Associate Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law)

Purpose. To study the problem of self-determination of organized crime, which can influence the intensification of other types of crime. **Methodology:** it includes the following methods: historical and legal, comparative legal, analysis and forecasting. **Conclusions.** 1. Organized crime is determined by the interaction of many such negative phenomena and processes in various spheres of the functioning of society such as social, economic, political, legal and others. 2. Organized crime is the main corrupt person, involving a wide range of officials in corrupt relations, who then contribute to the preservation and development of organized criminal structures, help them evade taxes, acquire property, evade criminal liability for crimes committed, etc. **Scientific and practical significance.** The conclusions presented in the article are aimed at increasing the effectiveness of combating organized crime in general.

Keywords: organized crime, negative phenomena, self-determination, self-production, corruption.

Children of the Streets: Criminological Characteristics of Street Organized Crime of Minors

Salamova Sebila Ya., Associate Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law)

Purpose. The author has set a goal to examine the state of juvenile crime, especially its organized forms, the geographical distribution of street crime is minor, the distinctive personality traits of juvenile offenders. **Methodology:**

the research is based on the General scientific dialectical method of cognition. In the course of the research, such methods as analysis and synthesis, statistical method, and observation method were used. **Conclusions.** Based on the conducted research, the author concludes that today we can talk about the real problem of criminalization of youth that requires attention, including its highest form—the Association of minors in youth criminal groups, which are the basis for future adult organized crime groups that are a destructive force for the country as a whole. **Scientific and practical significance.** The research conducted in the article gives an idea of the state of juvenile delinquency, reveals the criminological portrait of a juvenile delinquent, and based on the analysis of modern juvenile delinquency, substantiates its links with organized crime. The work, in our opinion, can be useful for a wide range of readers: students, postgraduates, teachers and researchers.

Keywords: juvenile delinquency, organized crime, criminal identity, street crime, youth sub-culture.

On the Concept of Criminological Ratios of Unintentional Crime in Medical Assistance Rendering

Gabay Polina G., Degree-Seeking Student of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Purpose. To study the indices of carelessness in the provision of medical care from a criminological standpoint. **Methodology:** it includes the following methods: historical and legal, comparative legal, analysis and forecasting. **Conclusions.** 1. Elements of everyday carelessness in health care can be distinguished only conditionally and only in the sphere of relations that are within the framework of personal relations between medical personnel and patients. 2. The structure of health crime includes three groups of crimes: professional crimes of health workers; malfeasance of employees of the studied area; crimes, the responsibility for which arises for these subjects along with other persons. **Scientific and practical significance.** The conclusions presented in the article are aimed at increasing the effectiveness of counteracting careless criminality in the healthcare sector in the provision of medical care.

Keywords: reckless crime, health care, indicators, medical care, curative medicine.

Socially Induced Demands for Reformation of National Laws in Combating Family and Domestic Violence

Atagimova Elmira I., Senior Research Scientist of the Scientific Center for Legal Information Under the Ministry of Justice of the Russian Federation, PhD (Law)

Purpose. Analysis of domestic legislation and research results on countering domestic violence; development of proposals for improving criminal law norms on responsibility for domestic violence. **Methodology:** in the course of the research, General scientific, system-legal and comparative-legal methods, the synthesis method were used, which ensures the validity of the obtained conclusions. **Conclusions.** Based on the analysis of domestic legislation and the results of research on countering domestic violence, the author identifies gaps in the regulatory regulation of preventive activities of law enforcement agencies, and determines the feasibility of improving legal regulation on countering violence in the family and household sphere. The article substantiates the need to adopt a special law aimed at preventing intra-family violence. Specific proposals for amendments to the criminal legislation of the Russian Federation are presented. **Scientific and practical significance.** The provisions formulated in this study can be used in the legislative process for further improvement of domestic legislation.

Keywords: legislator, family, domestic violence, domestic violence, family member, victim of violence, legal regulation, special law, crime, prevention, counteraction.

On the Resolutions of the General Meeting of Members of the Association of Law Education of September 25, 2020

Shengelia Gocha A., Assistant to Dean for Cooperation with State and Public Organizations of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU), PhD (Law)

The article informs of the resolutions of the General Meeting of Members of the Association of Law Education, which took place on September 25, 2020, at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Keywords: the Association of Law Education, ALE, teaching skill competition, the President of the ALE.

Требования к авторам журнала «Юридическое образование и наука» по оформлению научных статей

Аннотация — от 1300 до 2000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).

Автор переводит название статьи и аннотацию на английский язык самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

На английский язык автор также переводит свои фамилию, имя и должность.

Статья

Полностью ФИО автора, указать должность, ученую степень и звание, электронную почту — обязательно. Не менее 10 страниц через 1,5 интервала (без учета аннотации), не более 20 страниц.

27 000 – 37 000 знаков с аннотацией, не более 20 страниц.

Не менее 3 ссылок, не более 9, исходя из текста статьи в 10 страниц. (Если статья больше 10 страниц, количество ссылок может быть увеличено.)

Ссылки и список литературы — в конце. Только монографии, научные статьи. В ссылках и списке литературы не указывать учебники и газетные публикации.

Важно: оформление постраничных ссылок — см. ниже.

Ссылки и список литературы даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации — только в постраничные сноски.

ВАЖНО. Если статья является продолжением другой статьи автора по той же проблематике, автор обязан указать об этом в самом начале работы с приведением выходных данных уже опубликованных статей, в том числе в каких журналах и сборниках они выходили, а также насколько представленная статья является оригинальной по сравнению с предыдущими статьями.

НАПРИМЕР. Статья посвящена проблеме, которую автор изучает на протяжении ряда лет, и по этой проблеме автором опубликованы статьи, которые вышли в следующих журналах.

Библиография

В библиографический список включается только использованная литература в узком смысле этого слова (книги, статьи и т.п.). Нормативные акты или их проекты, а также договоры, судебные решения, стенограммы и иные подобные материалы в библиографический список не включаются. Редакция оставляет за собой право на удаление этих материалов из списка литературы.

Рецензирование

Все статьи подлежат обязательному рецензированию. Устранение замечаний рецензента является личной ответственностью автора. Автор может обратиться к главному редактору с обоснованными доводами о несогласии с отрицательным мнением рецензента.

Вторая отрицательная рецензия автоматически ведет к выводу о невозможности публикации статьи в журнале.

*С пожеланиями творческих успехов и поиска научной истины,
почетный научный редактор журнала «Юридическое образование и наука»
Игорь Михайлович Мацкевич*